

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданского права и процесса

Заведующий кафедрой
канд. юр. наук, доцент
Т.В. Краснова

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДЕЛЕ О
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Гражданское и семейное право»

Выполнил
студент 2 курса
очной формы обучения
группы 27Юм182

Крячко
Илья
Сергеевич

Руководитель
канд. юр. наук, доцент

Труба
Александр
Николаевич

Рецензент
адвокат
адвокатского кабинета Фабричникова Е.А.

Фабричников
Евгений
Александрович

Тюмень, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	8
1.1. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	8
1.2. ПОНЯТИЕ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	11
1.3. УСЛОВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	15
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ	23
2.1. СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ.....	23
2.2. ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	40
2.3. УСЛОВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ	49
2.4. ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ	55
ГЛАВА 3. СМЕЖНЫЕ ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	59
3.1. ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ	59
3.2. ПРЕДНАМЕРЕННОЕ И ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	73

ВВЕДЕНИЕ

Развитие системы рыночных отношений в Российской Федерации, гражданского права как отрасли права, тесно связанной с экономикой, неизбежно повлекло за собой возникновение института банкротства. В настоящее время отношения в сфере банкротства урегулированы Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту – Закон о банкротстве, ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», подвергающимся постоянному редактированию.

Одной из важнейших областей, урегулированных указанным законом, является привлечение руководителя должника-банкрота и иных лиц к субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного должника при недостаточности его имущества. Необходимость во введении соответствующих положений обусловлена рядом причин, в том числе недопущением злоупотреблений при применении положений Закона о банкротстве, необходимостью удовлетворения требований кредиторов, а также нормализацией гражданского оборота, искаженного фактом неплатежеспособности одного из его участников.

Анализируя практику применения положений Закона о банкротстве, мы неизбежно приходим к выводу о наличии существенного количества дел о банкротстве, в рамках которых арбитражным судом рассматривался вопрос о привлечении лица либо нескольких лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника [Статистический бюллетень ЕФРСБ, 30.06.2019]. Представляется, что существует ряд причин, по которым соответствующая практика является столь обширной, в том числе:

- тенденция к злоупотреблению положениями Закона о банкротстве;
- экономическая целесообразность проведения процедур банкротства вместо нормального прекращения деятельности организации;
- желание избежать расчетов с кредиторами;

- невысокий уровень правовой грамотности населения в сфере банкротства;

- прокредиторский характер Закона о банкротстве, его специфичность с точки зрения формирования правового режима деятельности субъектов гражданского права.

Однако, несмотря на наличие обширной судебной практики, ряд проблем в области привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве все еще остается актуальным, что отчасти связано с недостатками нормативно-правового регулирования института банкротства. В свою очередь, существующие проблемы институты банкротства вызывают ряд вопросов не только с практической, но и с научной точки зрения, вплоть до вопроса о том, является ли субсидиарная ответственность при банкротстве субсидиарной ответственностью как таковой.

Цель данной работы – установления путей совершенствования института банкротства в области привлечения руководителя должника, иных лиц к субсидиарной ответственности путем рассмотрения особенностей правового регулирования применения субсидиарной ответственности в деле о несостоятельности (банкротстве), а также установления юридической сущности субсидиарной ответственности при банкротстве.

Исходя из вышеизложенного, в рамках данного исследования поставлены следующие задачи:

- определение понятия субсидиарной ответственности;
- выявление отличительных особенностей субсидиарной ответственности от иных видов гражданско-правовой ответственности и ее специфики применительно к процедуре банкротства;
- рассмотрение и анализ нормативно-правового регулирования субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, а также соответствующей правоприменительной практики.

В качестве объекта исследования выступают общественные отношения в сфере банкротства юридических лиц с точки зрения привлечения руководителя должника, а также иных лиц к субсидиарной ответственности.

Предметом исследования являются нормы законодательства в сфере привлечения к субсидиарной ответственности в рамках производства по делу о несостоятельности (банкротстве), а также материалы соответствующей правоприменительной практики и доктрины понимание исследуемого явления.

В качестве методологической основы исследования избраны как общенаучные методы, в том числе методы анализа и синтеза, а также метод сравнения, так и частнонаучные методы, в том числе сравнительно-правовой, формально-юридический методы.

С помощью методов анализа и синтеза, а также формально-юридического метода была определена сущность субсидиарной ответственности как разновидности гражданско-правовой ответственности, а также сущность субсидиарной ответственности в деле о банкротстве с точки зрения гражданского права, а также института банкротства. Установлены базовые признаки соответствующих понятий, а также основные моменты их применения на практике. Также проведено базовое разграничение и классификация видов гражданско-правовой ответственности. Проанализирована судебная практика, уточнено и подвержено переоценке и переосмыслению содержание ряда норм гражданского, предпринимательского права. Также подвержена анализу и переосмыслению сложившаяся система юридической ответственности.

Сравнительный, сравнительно-правовой методы позволили обозначить разграничение между видами гражданско-правовой ответственности, точнее уяснить сущность исследуемого явления и норм права.

В качестве основы проведенного исследования выступили работы различных исследователей, в том числе Е.А. Суханова, Б.М. Гонгало, О.М. Свириденко, В.Н. Алферова, Э.А. Гурулевой, Н.А. Ивановой, С.А. Карелиной как по теме субсидиарной ответственности в банкротстве, так и в смежных областях, в том числе в областях гражданско-правовой ответственности,

гражданского права. В число соответствующих исследований входят как учебные материалы, так и научные статьи ученых-юристов, практикующих юристов, монографии, иные научные работы, а также материалы научных конференций.

В качестве нормативно-правовой основы проведенного исследования выступили нормы Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)», Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Также данное исследование не может быть в полной мере проведено без глубокого анализа правоприменительной практики арбитражных судов, сложившейся в связи с применением положений о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства.

Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения. В первой главе исследуются общие вопросы юридической ответственности и место субсидиарной ответственности в системе гражданского права. Выделяются характерные черты субсидиарной ответственности в понимании Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вторая глава посвящена глубокому рассмотрению основных черт субсидиарной ответственности в деле о несостоятельности (банкротстве), в том числе в связи с сопоставлением гражданско-правовой ответственности в целом, общей субсидиарной ответственности. Также подвергаются анализу и сопоставлению лица, привлекающие и привлекаемые к ответственности, основания привлечения к ответственности, характер ответственности, иные характеристики исследуемых явлений. При этом исследуются не только нормативно-правовые акты и материалы юридической практики, но и теоретические положения в соответствующей сфере.

Третья глава посвящена разграничению между субсидиарной ответственностью при банкротстве и иными, смежными видами ответственности, делаются выводы о характере исследуемого явления и его специфике.

В заключении кратко отражены выявленные в ходе исследования проблемы в сфере субсидиарной ответственности в деле о несостоятельности (банкротстве), составлены предложения по разрешению выявленных проблем в правотворческой и правоприменительной практике, а также составлен научный подход к пониманию исследуемых явлений и разрешению выявленных теоретических проблем. Кроме того, кратко обобщены итоговые выводы, полученные на протяжении исследования, в виде кратких тезисов.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1.1. СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Необходимым условием эффективности правовой системы является существование института юридической ответственности. Исследователи применяют различные подходы к пониманию данного явления. Так, юридическая ответственность рассматривается как в качестве правоотношения, так и в качестве осуждающей оценки государства; как обязанность лица претерпевать негативные последствия за совершенное деяние и как мера государственного принуждения, применяемая в исключительных случаях. Хотя указанные подходы и разнятся, возможно выявить некоторые общие признаки юридической ответственности, в том числе наличие государственного принуждения, выступление в качестве неблагоприятных последствий, связь с правонарушением и специфическими правоотношениями.

По отраслевому признаку выделяют следующие виды юридической ответственности:

- 1) конституционная ответственность;
- 2) уголовная ответственность;
- 3) гражданско-правовая ответственность;
- 4) административная ответственность;
- 5) дисциплинарная ответственность;
- 6) процессуальная ответственность.

Гражданско-правовая ответственность подразумевает санкцию за правонарушение, несущую характер негативных последствий в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей. Она обладает рядом специфических черт, в том числе: имущественный характер ответственности; наличие потерпевшей

стороны, возмещение потерь которой обеспечивается через институт ответственности; соответствие объема ответственности и причиненного ущерба; компенсаторный характер ответственности; возможность ответственности без вины; незначительность формы вины правонарушителя. Специфика данного вида юридической ответственности обусловлена спецификой гражданского права, регулирующего имущественные и личные неимущественные отношения.

С точки зрения общества гражданско-правовая ответственность преследует ряд значимых целей, в том числе защита установленного государством и принятого обществом правопорядка; воспитание в субъектах права уважения к букве и духу закона; регулирование общественных отношений; превенция правонарушений.

Из целей существования ответственности проистекают и ее основные функции:

- компенсаторно-восстановительная функция связана с восстановлением для понесшей ущерб стороны положения, существовавшего до правонарушения, либо положения, которое должно было возникнуть в случае отсутствия правонарушения. Статьей 1 ГК РФ указанная функция рассматривается как одно из основных начал гражданского законодательства;

- штрафная функция нередко сочетается с компенсационной функцией. Ее основная цель – предупреждение правонарушения, нормализация правоотношений и создание гарантий добросовестного исполнения субъектами правоотношений своих обязанностей. Данная функция подразумевает имущественные потери для правонарушителя, которые хоть и не носят компенсационный характер, но исполняют роль санкции, наказания. Таким образом достигается и дополнительная цель штрафной функции ответственности – воспитательная, то есть воспитание в участниках гражданского оборота определенной правовой культуры путем создания взаимосвязи между правонарушением и санкцией и четким обозначением круга недопустимых действий (бездействия);

- воспитательная функция связана с длительным воздействием на общество в целях выработки определенного уровня правовой культуры и превенции правонарушений через внушение необходимости добросовестного законного поведения. Как уже было отмечено, указанная функция связана со штрафной и проявляется через определение строгого круга запретов и демонстрацию нетерпимости и наказуемости определенных деяний, а также через определение желательного поведения субъектов правоотношений.

По критерию распределения ответственности между несколькими лицами выделяют ряд видов гражданско-правовой ответственности.

Долевая ответственность предусматривает распределение негативных последствий для правонарушителей в установленных законом, договором или иным образом определенных долях. Каждое лицо обязано понести ответственность исключительно в установленном объеме, зависящем от общего объема ответственности; при неисполнении своих обязанностей одним из привлекаемых к ответственности лиц по общему правилу его обязанности не переходят на иных лиц.

В случае применения солидарной ответственности кредитор вправе предъявлять свои требования к любому из должников (правонарушителей) [Суханов, с. 447-452]. Каждый должник несет ответственность наравне с основным должником, имеет равный с ним статус и несет равные с прочими должниками обязанности. Объем ответственности не распределяется между должниками, а накладывается на всех должников, в связи с чем любой из них обязан нести полную ответственность за всех прочих должников по требованию кредитора.

Субсидиарная ответственность является в определенном смысле более сложной конструкцией. В случае применения субсидиарной ответственности кредитор обладает правом предъявления своих требований к субсидиарному должнику в случае, если установлена невозможность удовлетворения требований основным должником. В сущности, такая конструкция дает

основания рассматривать субсидиарную ответственность как дополнительную по отношению к ответственности основного должника.

Различные виды гражданско-правовой ответственности в сущности преследуют одну и ту же цель, достигаемую разными путями: обеспечение дополнительных механизмов защиты прав и законных интересов кредитора. Долевая ответственность достигает указанной цели путем увеличения количества должников и строгому распределению ответственности между ними, солидарная – путем массовости этой ответственности и отсутствия привязки обязательства к конкретному лицу. В случае же применения субсидиарной ответственности конструкция ответственности существенно усложняется.

Кроме того, функции и цели гражданско-правовой ответственности также достигаются и обеспечиваются путем применения указанных разновидностей ответственности. Все это способно определить место субсидиарной ответственности по отношению к гражданско-правовой ответственности как хотя и существенной, но все же части, к единому целому, направленной на достижение общих целей и задач ответственности наиболее эффективными правовыми способами.

1.2. ПОНЯТИЕ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья 399 ГК РФ не раскрывает признаки субсидиарной ответственности в достаточной мере, не формулирует её определения. Тем не менее, из сформированных в статье общих правил применения субсидиарной ответственности можно выделить несколько существенных её признаков.

Так, для субсидиарной ответственности существенным является соблюдение минимального субъектного состава. В частности, необходимо наличие не менее трех действующих субъектов: кредитора, основного должника и субсидиарного должника. В качестве как кредитора, так и должников по общему правилу могут выступать любые субъекты гражданского права. Субъектный состав отражает сущность субсидиарной ответственности: для

создания дополнительных гарантий удовлетворения требований кредитора и защиты его прав и законных интересов в правоотношение вводится дополнительный должник, требования к которому являются отражением требований к основному должнику. Хотя сложный субъектный состав характерен и для иных видов гражданско-правовой ответственности, приведенных выше, рассматриваемому виду ответственности присуща более строгая иерархия действующих лиц. При этом основным должником хотя и необходим для субсидиарной ответственности, назвать его одним из активных участников правоотношения не представляется возможным, поскольку с точки зрения понимания ответственности как правоотношения действия основного должника являются лишь причиной и поводом для развития правоотношения между кредитором и субсидиарным должником. Таким образом, основным должником является вспомогательным субъектом, поведение которого порождает причинно-следственную связь между его действиями (бездействием) и наступившими последствиями, в то время как основными субъектами выступают кредитор и субсидиарный должник.

С точки зрения субъективного состава интересна сложившаяся двойственность положения субсидиарного должника. Хотя формально он и не является основным, после неисполнения своих обязательств основным должником и предъявления требований к субсидиарному должнику последний отвечает по обязательствам не исполнившего обязательство лица, приобретая соответствующие права с сохранением специфики своих обязанностей. Таким образом, статус такого должника для кредитора изменяется с «запасного» на «первоочередного».

Из сущности субсидиарной ответственности проистекает и общий порядок ее применения, предусмотренный статьей 399 Гражданского кодекса Российской Федерации:

1. Должник допускает нарушение порядка исполнения возложенного на него обязательства.

2. Кредитор направляет требование о необходимости исполнения обязательства к должнику.

3. Должник заявляет отказ от исполнения требований кредитора либо игнорирует соответствующее требование.

4. Кредитор направляет требование субсидиарному должнику о необходимости исполнения им своих обязательств.

5. Субсидиарный должник направляет основному должнику сведения о предъявлении к нему требований со стороны кредитора.

6. В случае неисполнения основным должником своих обязательств субсидиарный должник удовлетворяет требования кредитора.

Поскольку субсидиарная ответственность является видом гражданско-правовой ответственности, для нее присущи общие признаки.

Так, имущественный характер ответственности связан с компенсаторным характером ответственности в целом, то есть с возмещением убытков, ущерба, уплатой штрафных санкций, а также иными обстоятельствами, непосредственно связанными с имуществом и имущественными правами участников правоотношений.

Соответствие правонарушения, ущерба и объема ответственности также характерно для субсидиарной ответственности, однако проявляется особым образом. Дело в том, что в данном случае это соотношение является остаточным в связи с наличием основного должника, погашающего требования кредитора в возможном для себя размере. Конечно, это не означает, что до субсидиарного должника всегда доходит лишь часть долга, однако такая возможность все же существует. Таким образом, хотя общий размер ответственности и подчиняется правилу соразмерности возмещения размеру ущерба, субсидиарная ответственность носит остаточный характер и подвержена влиянию дополнительного фактора – степени исполнения обязательства до момента применения субсидиарной ответственности.

Возможность наступления ответственности без вины также ярко проявляется в исследуемом явлении. Так, например, наступление субсидиарной

ответственности поручителя по обязательству, обеспеченному поручительством, предусмотренное статьей 363 ГК РФ, никак не связывает вину и наступление ответственности. Необходимо лишь неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства основным должником.

Связь наступления ответственности с правонарушением в случае субсидиарной ответственности имеет свою специфику. Наличие факта правонарушения является необходимым, однако влияние привлекаемого к ответственности лица по общему правилу не требуется. Исключение составляет субсидиарная ответственность при банкротстве, предполагающая привлечение к ответственности правонарушителя. Наличие взаимосвязи позволяет обозначать субсидиарную ответственность в качестве юридической ответственности.

Специфическим признаком субсидиарной ответственности является вторичность субсидиарной ответственности по отношению к ответственности основного должника. Так, если в случае с долевой ответственностью каждый должник является основным в рамках своей доли, а для солидарной ответственности каждый должник – основной по отношению ко всей задолженности, то для субсидиарной ответственности характерен переход ответственности, долга с основного должника третьему лицу, обозначенному в качестве лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, что выражается в возможности предъявления требований по обязательствам основного должника в размере, соответствующем обязательству основного должника.

Указанная второстепенность является скорее преимуществом, нежели недостатком. Она позволяет упорядочить правоотношение, сделав его менее рисковым для сторон, в особенности – для кредитора. Каждый участник правоотношения понимает порядок предъявления требований к каждому из должников, вправе ожидать соблюдения указанного порядка, снижает свои риски от недобросовестного поведения кредитора. В свою очередь, и кредитор несколько снижает свои риски, поскольку осознает возможность более полного удовлетворения своих требований за счет существования дополнительного должника и возможности удовлетворения своих требований по частям: сперва в

объеме, который в силах погасить основной должник, затем – в размере остатка, погашаемого субсидиарным должником. Необходимо отметить, что для ситуации несостоятельности (банкротства) должника это не столь очевидно, поскольку, вступая в обязательственные правоотношения с контрагентом, кредитор обычно рассчитывает на добросовестное исполнение обязательства в полном объеме.

1.3. УСЛОВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Традиционно к общим условиям гражданско-правовой ответственности относят противоправность совершенного лицом деяния (поведения), наличие вреда как следствия совершенного правонарушения, наличие причинной связи между деянием и наступившими негативными последствиями и наличие вины в действиях правонарушителя.

Под противоправным можно понимать поведение, нарушающее предписания правовых норм, противоречащее прямым запретам или императивным нормам права [Морозова, с. 304-306]. Последнее замечание имеет существенное значение для гражданско-правовой ответственности в силу применяемого в настоящее время общедозволительного типа правового регулирования гражданского права, в соответствии с которым субъекты гражданского права по общему правилу вправе совершать либо не совершать любые действия, если это прямо не запрещено нормативными правовыми актами. Данный тип правового регулирования таким образом существенно сужает область применения института ответственности. В то же время, диспозитивность одновременно усложняет работу с институтом ответственности, поскольку допускает возможность принятия на себя каких-либо обязательств, неисполнение которых также влечет за собой привлечение к ответственности. Дополнительным усложняющим фактором служит категория добросовестности, вынуждающая как суды, так и различных участников

правоотношения особым образом оценивать поведение лица и сопоставлять его с гипотетическим поведением любого «усредненного» субъекта в аналогичных условиях. Тем не менее, большинство ситуаций возможно подвести под классическое понимание противоправного поведения как нарушение либо норм поведения, либо принципов гражданского права.

Для субсидиарной ответственности вопрос о противоправности поведения привлекаемого к ответственности лица не является однозначным. В силу специфики субъектного состава и особого круга обязанностей соответствующих субъектов субсидиарная ответственность рассматривается как ответственность лица за противоправное поведение основного должника. Так, например, статья 363 ГК РФ позволяет предусмотреть в договоре поручительства субсидиарную ответственность поручителя в объеме, предусмотренном по общему правилу для должника, не исполнившего надлежащим образом свое обязательство, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек, а также иных убытков кредитора, которые последний понес в связи с недобросовестным поведением основного должника.

Можно предположить, что субсидиарная ответственность в подобном случае не является ответственностью вовсе, ведь лицо, привлекаемое к ответственности, не допускало со своей стороны какого-либо противоправного поведения. Следовательно, поскольку отсутствует одно из условий ответственности, в данном случае целесообразно говорить о специальном случае возникновения обязательства, выраженного в обязанности субсидиарного должника удовлетворить все возникшие требования кредитора с последующим правом возмещения своих расходов за счет основного должника.

Однако, полагаем, что такая позиция не является верной. Исследуемый вид ответственности связывает факт наступления ответственности с фактом наличия противоправного поведения основного должника. Да, правонарушителем является не то лицо, которое совершило правонарушение, однако противоправность все же присутствует и является необходимым условием для применения субсидиарной ответственности. Важно отметить, что

вышесказанное не относится к субсидиарной ответственности при банкротстве, предполагающей, что субсидиарный должник является самостоятельным правонарушителем.

Наличие вреда может быть связано не только с конкретными имущественными потерями, но и с ущемлением прав и охраняемых законом интересов различных субъектов и общества в целом. Материальный вред рассматривается и как утрата субъектом принадлежащего ему имущества, выраженного как в снижении стоимости объекта гражданского оборота, его полной утрате, повреждении или ином аналогичном влиянии на него, и как утрата лицом того, на что потерпевший вправе был претендовать в условиях сохранения нормального гражданского оборота и нормального правопорядка. Логично, что основным инструментом нормализации правоотношения в таком случае выступает возмещение нанесенного ущерба в необходимом объеме как в натуре, так и в денежном эквиваленте. При этом необходимо проводить строгую грань между восстановлением нормального положения вещей и обеспечением штрафной функции ответственности, функции наказания. Так, если компенсация создает определенную фикцию сохранения нормального правоотношения, то штрафные санкции служат больше инструментом восстановления гипотетической справедливости, а также несут некоторую превентивную и воспитательную цель в отношении будущих потенциальных нарушений.

Недостаточно исследованным представляется вопрос о причинении поведением правонарушителя вреда интересам общества и сложившемуся правопорядку, а также нормальному гражданскому обороту без привязки к конкретному потерпевшему. Так, наличие систематических нарушений каких-либо положений законодательства влечет за собой общее восприятие нормы как недействующей, необязательной, неэффективной. Это влечет за собой снижение общей эффективности как института ответственности в частности, так и нормативно-правового регулирования в целом, дестабилизируя гражданский оборот и влияя на рискованность вступления в какие-либо правоотношения.

В свою очередь, увеличение рисков способно повлечь за собой и рост стоимости кредита, являющегося важнейшим элементом экономической деятельности в рыночных условиях. Так, одним из основных факторов образования цены кредита является фактор определения премии за риск, компенсирующей возможные потери, которые могут возникнуть в связи с недобросовестным поведением контрагента [Горелая, с. 59-76]. Разумно предположить, что при отсутствии эффективных инструментов защиты прав участника правоотношения и высоком количестве правонарушений растет и размер упомянутой премии за риск, что влечет за собой и увеличение общей стоимости кредита. Дополнительно необходимо учитывать расходы, связанные с проведенной работой по оценке потенциальных рисков. Впоследствии стоимость кредита способна повлиять и на цену иных договоров, заключаемых участниками гражданского оборота, что можно рассматривать в качестве негативного фактора, влияющего на развитие экономики.

Эффектом правонарушения, не повлекшего за собой надлежащей ответственности, может выступать искажение правопонимания у участников гражданского оборота в части восприятия государства и его органов как неэффективных и не заслуживающих доверия субъектов. В таком случае участники гражданского оборота могут расценивать переход к неформальным отношениям и уход от обозначенных законодателем в качестве нормальных конструкций построения системы гражданского оборота к так называемым «теневым», полуформальным схемам построения обычаев делового оборота и оборота в целом как соответствующий сложившейся с объективной действительности, а также соответствующий интересам самих участников оборота. В то же время необходимо учитывать, что аналогичным эффектом могут обладать не только недостаточность мер ответственности, но и их чрезмерность, а также излишняя либо недостаточная формализованность действующих норм, в том числе норм ответственности.

Как и в случае с противоправностью, вопрос причинения вреда привлекаемым к ответственности лицом специфичен. С одной стороны, можно

утверждать, что субсидиарный должник самостоятельными действиями не причинял какого-либо вреда кредитору или иным субъектам, в отличие от деятельности основного должника. Именно последний причинил ущерб кредитору в результате неисполнения каких-либо обязательств и впоследствии не возместил причиненный ущерб. Как результат, субсидиарный должник гасит задолженность правонарушителя, что должно считаться достижением восстановительной, компенсаторной и иных функций. Дополнительно для достижения целей ответственности по общему правилу субсидиарный должник получает права кредитора в отношении основного должника, что обусловлено общими положениями ст. 313 ГК РФ об исполнении обязательства третьим лицом. Для кредитора такая конструкция является благоприятной, поскольку в отношении него действительно достигаются поставленные цели, ущерб обществу, существующей системе отчасти сохраняется, поскольку показывает определенную неэффективность системы взыскания задолженности с основного должника, усложняет процесс нормализации гражданского оборота.

Установление причинной связи является необходимым условием для применения института ответственности. Зачастую именно причинная связь говорит о наличии самого правонарушения и позволяет установить личность правонарушителя. Она отражает взаимосвязь между совершенными или не совершенными действиями и объективно наступившими в результате последствиями. Причинная связь конкретна и не может подлежать оценке посредством применения типичных примеров к оцениваемой ситуации.

Одним из важных вопросов причинности является вопрос о прямой и косвенной причинной связи. Прямая связь предполагает существование цепочки связанных обстоятельств, событий между поведением лица и результатом этого поведения при отсутствии иных обстоятельств, имеющих юридическое значение и существенным образом влияющих на упомянутый результат. Косвенная же связь означает наличие обстоятельства, существенным образом повлиявшее на сложившуюся ситуацию и имеющего юридическое значение при оценке правонарушения. В рамках подобной классификации косвенная причинная связь

не позволяет говорить о существовании правонарушения, поскольку фактически к неблагоприятным последствиям привели иные обстоятельства.

Причинная связь в правонарушении, порождающем субсидиарную ответственность, по общему правилу также характеризуется в первую очередь не поведением привлекаемого к ответственности лица, а поведением основного должника как фактического правонарушителя. Однако отчасти привлекаемое к ответственности лицо также можно рассматривать в качестве лица, повлиявшего на формирование причинной связи, поскольку его статус и влияние на основного должника могли поспособствовать надлежащему исполнению правонарушителем своих обязательств. Тем не менее, необходимо признать, что причинная связь все же также относится к основному должнику, а не к субсидиарному.

Вина является отражением субъективного отношения лица к наступившим в результате его действий (бездействия) последствиям, а также непосредственно к самому противоправному поведению [Морозова, с. 305.306]. По сравнению с уголовным правом вина в гражданском праве более специфична и не всегда имеет столь же существенное значение. В гражданском праве обычно различают лишь умысел и неосторожность без дальнейшей их классификации. Умысел означает понимание лицом противоправности своих действий и последующих неблагоприятных последствий и желает либо относится безразлично к ним. Представляется очевидным, что при наличии умысла невозможно говорить о какой-либо добросовестности, осмотрительности или иных присущих добросовестным участникам гражданского оборота чертах. Неосторожность же, наоборот, подразумевает отсутствие подобного осознания и понимания, нежелание наступления негативных последствий [Суханов, с. 461-463]. В то же время, правонарушителем не предпринимаются достаточные меры для недопущения правонарушения либо предпринимаются действия, не преследующие цели совершения правонарушения, но все же противоречащие действующим нормам права.

И вновь при рассмотрении данного условия привлечения к ответственности наблюдается относимость условия не в классическом понимании ответственности – как отношение привлекаемого к ответственности лица – а со спецификой, с отграничением вины от привлекаемого к ответственности лица в пользу лица, являющегося основным должником. В этом смысле справедливо говорить об ответственности без вины, поскольку лицо, в деятельности которого отсутствует вина в правонарушении, все же несет за него ответственность. С другой стороны, субсидиарная ответственность как единая правовая конструкция все же подразумевает наличие в своем составе вины, хоть и лежащей на основном, а не субсидиарном должнике.

Дополнительно стоит отметить, что интерес вызывает неисполнение основным должником требования кредитора как факт, который можно расценивать с разных сторон. Предъявление требования и последующий отказ от его исполнения являются необходимыми элементами порядка привлечения к ответственности, поскольку именно этот этап является основным для дальнейшего применения института субсидиарной ответственности. С другой стороны, такой отказ можно рассматривать в качестве самостоятельного деяния, являющегося правонарушением и отражающим нарушение прав кредитора, посягательство на его права и законные интересы, на интересы общества в целом. Возникает вопрос об оценке отказа от исполнения обязательства в качестве необходимого условия привлечения лица к ответственности наряду с противоправностью, вредом, причинной связью и виной. Полагаем, что данная позиция не является справедливой, поскольку вопрос о подобных действиях относится скорее к порядку привлечения к ответственности и поглощается иными условиями привлечения к ответственности.

Таким образом, субсидиарная ответственность с точки зрения исследования условий привлечения к ответственности обладает собственной спецификой. Условия, традиционно относимые к привлекаемому к ответственности лицу, перестают ассоциироваться с данным субъектом и смещаются в сторону основного должника как действительного

правонарушителя, чья деятельность послужила причиной инициирования процедуры привлечения к ответственности. Это объясняется сложным субъектным составом и целями существования субсидиарной ответственности: создание дополнительных гарантий для кредитора за счет наличия дополнительного должника, отвечающего за исполнение обязательств основным должником.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

2.1. СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ

При исследовании специфики субсидиарной ответственности при банкротстве важно исследовать состав участников соответствующего правоотношения – как лиц, привлекаемых к ответственности, так и лиц, требующих привлечения к ответственности.

Субсидиарная ответственность предполагает наличие не только лица, привлекаемого к ответственности, но и «основного должника». По смыслу ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в качестве основного должника выступает лицо, в отношении которого введена процедура банкротства, обозначаемого в законе термином «должник». В настоящее время таковым может являться как физическое, так и юридическое лицо, причем банкротство индивидуального предпринимателя рассматривается по правилам банкротства гражданина.

Субсидиарная ответственность при банкротстве предполагает понимание должника как юридического лица, находящегося под влиянием третьего лица, которое в свою очередь может являться как руководителем юридического лица, так и иным субъектом. Такой подход прослеживается в том числе в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее по тексту – Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53), содержащем в том числе указание на необходимость учета сущности конструкции юридического лица. В связи с этим можно сделать вывод о том, что субсидиарная ответственность в деле о банкротстве гражданина законодателем не предусматривалась, о чем дополнительно свидетельствует название главы, являющееся неотъемлемой частью нормативного правового акта: «Ответственность руководителя должника

и иных лиц в деле о банкротстве», а также перечисленные в Законе о банкротстве основания для привлечения лица к субсидиарной ответственности.

В то же время в российском законодательстве не рассматривается вопрос о применении процедуры привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве гражданина, индивидуального предпринимателя. Проведенный анализ дел о банкротстве граждан и индивидуальных предпринимателей также не выявил судебной практики по привлечению к субсидиарной ответственности при банкротстве физических лиц. По приведенным выше причинам подобное кажется невозможным, однако такое ограничение в действительности может создать противоречие как с базовыми положениями гражданского права, касающимися равенства субъектов гражданского права, так и с целями самой конструкции субсидиарной ответственности при банкротстве.

Дело в том, что рассматривая нами конструкция является не только «исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов», но и механизмом выявления и привлечения к ответственности лица, чьи действия либо бездействие действительно повлекли за собой неблагоприятные последствия и рассматриваются как недобросовестные, что пересекается с концепцией снятия корпоративной вуали. В то же время, стоит учитывать возможность деятельности физического лица через иного гражданина, выступающего формальным действующим лицом, но не осуществляющим какую-либо деятельность фактически. Это актуально и для индивидуального предпринимателя, чья предпринимательская деятельность может служить для прикрытия деятельности третьего лица, которое целесообразно рассматривать в качестве контролирующего должника лица.

В описанной ситуации защита прав и законных интересов добросовестных кредиторов, а также должника и общества становится затруднительной и вынуждает арбитражного управляющего как основного действующего субъекта искать обходные пути для исполнения своих обязанностей в связи с отсутствием прямого правового регулирования в соответствующей части. В качестве

аналогов применения субсидиарной ответственности может выступать обращение с исковыми заявлениями, оспаривание сделок должника или обращение в правоохранительные органы.

Таким образом, при применении процедуры банкротства гражданина в случае использования недобросовестным лицом должника в качестве прикрытия для осуществления собственной деятельности возможности по привлечению к ответственности надлежащего субъекта ограничены и являются ограниченными по сравнению с аналогичной ситуацией в деле о банкротстве юридического лица.

Учитывая некоторую размытость формулировок, используемых законодателем и Верховным Судом, в качестве альтернативы сложившемуся положению может выступать применение расширительного толкования действующих норм права и позиций Верховного Суда в части применения положений Закона о банкротстве, касающихся субсидиарной ответственности, к делам о банкротстве физических лиц, и в первую очередь – индивидуальных предпринимателей. В таком случае судам и участникам дела о банкротстве необходимо установить фактического бенефициара, то есть контролирующее должника лицо, и обеспечить удовлетворение требований кредиторов и защиту их прав за счет недобросовестного лица. Представляется естественным, что для реализации подобной конструкции необходимо также активное применение аналогии закона и аналогии права, что приведет к длительному формированию судебной практики и пересмотру уже сложившихся представлений об институте банкротства.

Также возможен комплексный пересмотр положений Главы III.2 Закона о банкротстве в части распространения действий указанной главы на дела о банкротстве физических лиц. Любопытно, что при этом необходимость в пересмотре понятия «контролирующее должника лицо» отсутствует, поскольку существующее понятие может толковаться расширительно и позволяет адаптировать его под предлагаемые изменения, что только подтверждается подпунктом 1 пункта 2 статьи 61.10 Закона о банкротстве, гласящим, что возможность определять действия должника может достигаться в силу

нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения.

Необходимо отметить, что приведенное положение в настоящее время уже может толковаться в предложенном выше смысле и применять соответствующую конструкцию, однако пока такая практика не является широко распространенной.

Кроме того, следует рассмотреть вопрос о взаимосвязи контролирующего должника лица и должника-индивидуального предпринимателя с точки зрения фактически сложившихся отношений работодатель – работник, связанных с неофициальным оформлением трудовых отношений и переводом работника в категорию «самозанятых» граждан либо индивидуальных предпринимателей. Так, например, в соответствии с данными, опубликованными Российской Академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, в 2017 году доля граждан, вовлеченных в некриминальный «теневой» рынок труда составил порядка 44,8% от общего количества занятого населения; многие граждане осуществляют трудовую деятельность без официального оформления [2.24]. Такая высокая доля «теневого рынка» естественным образом может привести к различным злоупотреблениям, в том числе в рамках применения процедур банкротства. Так, например, работодатель может потребовать от работника оформиться в качестве индивидуального предпринимателя и осуществлять часть предпринимательской деятельности работодателя через индивидуального предпринимателя, определяя его деятельность и фактически участвуя в более широком круге общественных отношений, нежели отражено формально, и нет гарантий, что в последующей процедуре банкротства «работника» соответствующий факт будет установлен.

Таким образом, сложившийся подход к должнику – участнику процесса о привлечении к субсидиарной ответственности как к юридическому лицу не покрывает весь спектр возможных общественных отношений, что открывает возможность для злоупотреблений со стороны фактически контролирующих должника лиц, особенно в деле о банкротстве физического лица. Для ликвидации

сложившейся лакуны необходим пересмотр подхода к институту субсидиарной ответственности и формирование судебной практики в части применения института субсидиарной ответственности к делу о банкротстве гражданина, а также в части применения расширительного толкования положений нормативных правовых актов и комплексного пересмотра, переработки главы Закона о банкротстве.

ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает возможность привлечения к субсидиарной ответственности «руководителя должника и иных лиц, являющихся контролирующими должника лицами». В соответствии со статьей 61.10 указанного Федерального закона под контролирующим должника (лица, в отношении которого возбуждено дело о банкротстве) лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Хотя данное определение является громоздким и может быть сложным для восприятия, из него можно вывести несколько признаков контролирующего должника лица, являющегося субсидиарным должником:

1. Контролирующее должника лицо может быть как физическим, так и юридическим лицом.

Как известно, равенство участников гражданско-правовых отношений является одним из краеугольных камней гражданского права. К участникам относятся в том числе и публично-правовые образования, к которым относятся Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. К ним по общему правилу применяются нормы, регулирующие участие юридических лиц. Правило о равенстве субъектов подразумевает и возможность привлечения соответствующих субъектов к ответственности.

В качестве привлекаемого к субсидиарной ответственности лица могут рассматриваться и публично-правовые образования. Это обусловлено не только равенством субъектов гражданского права, но и возможностью недобросовестного и неправомерного поведения государственных органов и органов местного самоуправления. В связи с вышесказанным справедливо будет указать в числе привлекаемых к ответственности лиц и публично-правовые образования, а точнее – органы, через которые они действуют.

Так, например, в рамках дела о несостоятельности муниципального унитарного предприятия Светлоярского муниципального района Волгоградской области «Светлоярский водоканал» (далее по тексту – МУП СМР «СВК», должник) по делу № А12-24041/2017 судом рассмотрен вопрос о привлечении Администрации Светлоярского муниципального района (далее по тексту – Администрация) к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. В рамках судебного заседания судом было установлено, что Администрация является контролирующим должника лицом с точки зрения функций унитарных предприятий и степени фактического контроля за деятельностью предприятия. Также судом отмечено, что Администрация как контролирующее должника лицо знало либо должно было знать о критическом финансовом состоянии должника, при этом Администрацией необходимых мер ни для ликвидации предприятия, ни для исправления сложившейся ситуации не предпринято; более того, Администрация произвела возврат имущества, переданного ранее должнику по договору безвозмездного пользования, что послужило дополнительным обстоятельством ухудшения положения должника. В итоге судом Администрация привлечена к субсидиарной ответственности по обязательствам МУП СМР «СВК».

Рассматривая вопрос о лице, привлекаемом к ответственности, необходимо изучить вопрос о разграничении юридического лица и его бенефициара - физического лица, то есть о различных подходах к пониманию юридического лица.

С точки зрения теории фикции юридическое лицо рассматривается в качестве фиктивной, искусственной конструкции, которая не может полноценно самостоятельно существовать и не является дееспособным [Танимов, с. 4-18]. Указанная конструкция может рассматриваться в качестве инструмента для привязки прав и обязанностей, которые целесообразно не привязывать к конкретному физическому лицу. Таким образом, в соответствии с этой теорией юридическое лицо хотя и искусственно, но тем не менее связано с определенными правами и обязанностями. Рассматривая субсидиарную ответственность в сочетании с этой теорией, становится закономерным привлечение к ответственности именно физического лица, как лица, на которое в качестве альтернативы могут быть возложены права и обязанности юридического лица. Также в рамках указанной теории логично построение связи между юридическим лицом и физическим лицом, интересы которого фактически связаны с «искусственной конструкцией». Привлечение же к субсидиарной ответственности юридического лица возможно скорее в качестве исключения, чем правила.

Российским законодательством не выработан единый подход к пониманию сущности юридического лица. С одной стороны, юридическое лицо рассматривается в качестве самостоятельного субъекта, осуществляющего свою деятельность независимо и самостоятельно, на свой риск. С другой стороны, законодательство и правоприменительная практика связывает юридическое лицо с интересами и действиями иных лиц, в том числе руководителем или учредителем юридического лица, снижая степень самостоятельности организации. Таким образом, вопрос о конкретизации субъекта, привлекаемого к ответственности, в российском законодательстве однозначно не разрешен.

Так, в рамках правоприменительной практики возможны ситуации, когда деятельность должника определялась прежде всего его единственным участником, являющимся в соответствии с официальными документами юридическим лицом. В то же время, у единственного участника должника имеется свой учредитель – физическое лицо, которое может как являться, так и

не являться единоличным органом управления указанного юридического лица. Возникает двойственная ситуация: с одной стороны, юридические лица самостоятельны, а значит, на деятельность должника влияла именно организация; с другой стороны, фактически активные действия предпринимались именно физическим лицом как конечным бенефициаром.

Наиболее разумным предполагается исходить из определения конечного бенефициара и фактически действующего лица, то есть доходить до конца цепочки воздействующих на должника лиц. Конечным бенефициаром в данном случае будет выступать лицо, которое самостоятельно, непосредственно или опосредованно влияло на действия должника; если же установить такое лицо с высокой степенью точности не представляется возможным в связи со сложностью структуры управления юридического лица – целесообразно привлечение к ответственности именно юридического лица как самостоятельного субъекта.

Любопытно, что в настоящее время Верховный Суд Российской Федерации придерживается промежуточной позиции в данном вопросе. Так, рассматривая возможность деятельности управляющей компании в качестве руководителя должника по делу о банкротстве Верховный Суд указал, что в качестве контролирующих должника лиц выступают как управляющая компания, так и руководитель управляющей компании [3.8].

Хотя российский правоприменитель и законодатель в настоящее время активно стремится распространять практику применения концепции снятия корпоративной вуали [Агашева, Бекирова, с. 3-7] и исследования цепочки бенефициаров с целью установления фактического контролирующего должника лица, нужно отметить, что вопрос о конкретизации субъекта привлечения к ответственности все еще является спорным и подробно рассматривается в рамках каждого конкретного дела.

2. Наличие возможности давать обязательные для исполнения должником указания либо иным образом определять действия должника, то есть наличие контроля над должником.

Необходимо отметить, что с точки зрения статьи 3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» к признакам банкротства относится отсутствие у должника возможности удовлетворять требования кредиторов по своим денежным обязательствам, производить ряд иных выплат, если указанные обязательства не исполняются в течение трех месяцев с даты возникновения обязанности по исполнению обязательства. Для юридических лиц по общему правилу размер обязательства составляет не менее трехсот тысяч рублей, для физических лиц – не менее пятисот тысяч рублей.

Статья 61.10 Закона о банкротстве формирует перечень признаков, свидетельствующих о наличии у контролирующего лица возможности определять действия должника, включая в него наличие родственных связей между контролирующим должника лицом и членом органа управления юридического лица (в том числе руководителем должника) либо взаимосвязь в рамках должностного положения соответствующих лиц; наличие у контролирующего лица необходимых для осуществления контроля, заключения сделок полномочий, наличие необходимого должностного положения; обладание возможностью принуждения в отношении органов управления и должностных лиц должника либо иного решающего воздействия на должника. Поскольку указанный перечень является открытым, он позволяет толковать соответствующую норму расширительно, что, в свою очередь, позволяет снизить вероятность возникновения необходимости в редактировании положений Закона о банкротстве. К непоименованным в статье признакам можно отнести наличие неформальных отношений с руководителем должника лицом, присутствие на переговорах должника и его контрагентов, выступления в судах от имени должника и прочие обстоятельства, дающие основания полагать наличие взаимосвязи между действиями должника и поведением контролирующего должника лица.

Хотя универсальность Закона о банкротстве в рассматриваемой части и может рассматриваться как его достоинство, оно же является существенным недостатком, поскольку требует длительной стабилизации правоприменения.

менительной практики для обеспечения единообразия судебной практики, а также дополнительных разъяснений со стороны Верховного Суда.

Так, Постановлением Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 установлено, что само по себе наличие отношений родства с руководителем должника либо наличие у лица отдельных полномочий не влечет за собой обязательного признания лица в качестве контролирующего должника, необходим контроль над деятельностью должника и соответствующие такому контролю преимущества, что, однако, не препятствует признанию лица контролирующим должника на общих основаниях. Это положение фактически связывает ряд положений Закона о банкротстве, указывая, что судам необходимо рассматривать деятельность должника и взаимодействия между отдельными лицами более углубленно. Кроме того, указанное Постановление разрывает связь между признанием лица контролирующим должника и формальной аффилированностью, признавая возможность наличия фактического контроля при отсутствии формальных признаков.

Также Закон о банкротстве устанавливает презумпцию определения контролирующего лица, исходящую из статуса лица как члена органа управления должника либо управляющей компании должника; как лица, фактически обладающего пятьюдесятью и более процентами участия в юридическом лице; как лица, извлекающего выгоду из недобросовестного поведения лица, выступающего от имени должника. Указанная презумпция слагает бремя доказывания с лиц, подавших заявление в арбитражный суд, на привлекаемое к ответственности лицо.

Ничего из вышесказанного не дает толкования «возможности давать обязательные для исполнения должником указания либо иным образом определять действия должника». Уже упомянутое нами Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 рассматривает данное положение с точки зрения вовлеченности привлекаемого к ответственности лица в процесс управления должником, учитывая значительность влияния лица на принятие должником решений, в том числе касающихся совершения сделок. Однако позиция

Верховного Суда в действительности лишь продолжает тенденцию Закона о банкротстве, оставляя вопрос об оценке степени влияния лица на действия должника на усмотрение суда, не давая конкретных критериев «существенности» такого влияния или «определения действий».

В качестве критерия такой «значительности» может выступать существенность сделки, заключенной должником под влиянием контролирующего лица, например, по аналогии с положениями п. 2 ст. 64 Закона о банкротстве, или иной «количественный критерий. Также для определения существенности контроля можно применять «качественный» критерий, выраженный, например, в наличии стойкой взаимосвязи между контролирующим лицом и должником. Однако представляется, что подобные подходы повлекут за собой ряд негативных последствий, исключающих возможность внедрения приведенных параметров. К числу таких последствий может относиться возникновение дополнительной судебной волокиты, связанной с расширением круга необходимых для установления обстоятельств, усложнением процесса доказывания, а также необходимостью точного установления предлагаемых критериев, в том числе связанных с переоценкой активов должника. Также расширятся и обязанности арбитражного управляющего в части проведения финансового анализа, составления заключения о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, а также составления заключения о наличии (отсутствии) оснований для оспаривания сделок должника, поскольку фактически у арбитражного управляющего возникнет необходимость в еще более углубленном анализе и переработке понимания устанавливаемых в рамках проведения указанных мероприятий обстоятельств.

Более актуальным представляется вопрос о необходимости уточнения критериев значительности степени вовлеченности лица в процесс управления должником и принятия должником решений. Полагаем, что в действительности такая необходимость отсутствует по уже упомянутой ранее причине: именно возможность применения судьейского усмотрения в рассматриваемой части

позволяет правоприменительной практике активно следовать за усложняющимися общественными отношениями, избегать чрезмерного формализма, выраженного в следовании исключительно букве закона и игнорировании его духа, фактических обстоятельств дела. Кроме того, открытость сформулированной позиции Верховного Суда и статьи Закона о банкротстве позволяет судам более углубленно изучать деятельность должника и взаимоотношения различных субъектов гражданского права. Важно, чтобы соответствующая судебная практика формировалась по возможности непрерывно, стремилась к единообразию не в смысле однообразия решений, применяемых точных критериев и схожести обстоятельств, а в смысле подхода к рассматриваемому явлению как к формирующемуся в том числе в фактической плоскости, явлению, которому необходимо рассматривать в первую очередь с точки зрения духа, а не буквы закона.

Говоря о субъектном составе института субсидиарной ответственности при банкротстве, необходимо также упомянуть о лицах, обладающих правом на подачу заявления о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности. Закон о банкротстве связывает право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности с основаниями и моментом подачи заявления, однако в совокупности соответствующим правом обладают:

- арбитражный управляющий, утвержденный в деле о банкротстве;
- кредиторы (конкурсные кредиторы);
- представитель работников должника;
- работники, бывшие работники должника;
- уполномоченные органы.

Важно, что, рассматривая арбитражного управляющего в качестве лица, обладающего правом на подачу заявления о привлечении к ответственности, законодатель не уточняет процедуру, в рамках которой арбитражный управляющий подает соответствующее заявление. Это позволяет инициировать процедуру привлечения к ответственности в любой процедуре банкротства. В то

же время, необходимо учитывать, что в подавляющем большинстве случаев судами вводятся процедуры наблюдения и конкурсного производства (применительно для юридических лиц) [3.5], и именно в конкурсном производстве наиболее часто подаются заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. Это объясняется предоставлением конкурсному управляющему наиболее полного доступа к сведениям о деятельности должника, его взаимосвязях и контрагентах, а также расширением полномочий конкурсного управляющего относительно полномочий временного управляющего. Таким образом, справедливо утверждать, что в большинстве случаев стоит рассматривать право на подачу заявления о привлечении к ответственности как право именно конкурсного управляющего, хотя это право и предоставлено любому арбитражному управляющему.

Важным уточнением в законе является правило о подаче заявления арбитражным управляющим как по своей инициативе, так и по инициативе собрания кредиторов. В последнем случае создается двойственность субъекта – заявителя: конкурсный управляющий, действующий по инициативе и поручению собрания кредиторов, которое является для него обязательным, при этом может не являться ни представителем собрания кредиторов, ни представителем одного из кредиторов, выступая именно в качестве арбитражного управляющего. Сама конструкция выступления арбитражного управляющего по решению собрания кредиторов вызывает ассоциацию с понятием «представитель собрания кредиторов», предусмотренном статьей 2 Закона о банкротстве, присваивающим указанному лицу свойства возложения на него полномочий собранием кредиторов и участие в арбитражном процессе от имени такого собрания. Хотя возложение полномочий и обязывание арбитражного управляющего и являются различными действиями, их суть существенно схожа: осуществление определенных действий конкретным субъектом в рамках арбитражного процесса с целью защиты прав кредиторов и иных лиц. Тем не менее, полагаем, что в подобной ситуации арбитражного управляющего по общему правилу не следует признавать лицом, фактически

выступающим в качестве представителя собрания кредиторов, поскольку арбитражный управляющий даже при наличии решения собрания кредиторов осуществляет свои функции самостоятельно и осуществляет мероприятия по привлечению установленного лица к ответственности так, как считает необходимым. Представитель же кредиторов либо собрания кредиторов в этом отношении является более ограниченным, а его действия контролируются в ином порядке, нежели действия арбитражного управляющего.

Также двойственность субъекта проявляется в связи с представлением интересов должника конкурсным управляющим. С точки зрения Закона о банкротстве конкурсный управляющий принимает на себя функции органов управления должника и учитывается в Едином государственном реестре юридических лиц в качестве лица, имеющего право действовать от имени юридического лица без доверенности. В этом смысле разграничить действия конкурсного управляющего как самостоятельного субъекта и конкурсного управляющего как руководителя должника крайне затруднительно. Полагаем, что в рамках рассмотрения вопроса об участии в процедуре привлечения к субсидиарной ответственности данные две правовых конструкции не входят в противоречие друг с другом, а являются скорее взаимодополняющими, поскольку арбитражный управляющий, надлежащим образом выполняющий свои обязанности, в том числе защищает права и законные интересы самого должника; здесь арбитражный управляющий выступает и как самостоятельное действующее лицо, проводящее процедуру банкротства, и как представитель должника, стремящийся к нормализации (насколько это возможно для уже проводимой процедуры банкротства) связанных с ним общественных отношений и защите прав банкрота.

Рассматривая конкурсных кредиторов в качестве лиц, обладающих правом на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, мы вновь сталкиваемся с определенной терминологической коллизией, связанной с разграничением понятий «кредитор» и «конкурсный кредитор». Первое понятие является более широким по отношению ко второму, включая в себя больший

круг лиц при меньшем количестве приписываемых им свойств, однако разграничение между ними не имеет решающего значения в рамках данного исследования, в связи с чем мы воздержимся от строгого отграничения данных категорий, учитывая, что Закон о банкротстве также не заостряет внимание на разнице между соответствующими субъектами.

Необходимо отметить существующее в законе разграничение между уполномоченными органами и конкурсными кредиторами. В настоящее время уполномоченным органом по смыслу ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» является Федеральная налоговая служба, представляющая в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требования об уплате обязательных платежей и требований Российской Федерации по денежным обязательствам (п. 1 Положения о Федеральной налоговой службе, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе»). В то же время, принципиальные отличия между уполномоченным органом и конкурсным кредитором с точки зрения участия в процедуре привлечения к субсидиарной ответственности отсутствуют, а сам законодатель объединяет уполномоченный орган и конкурсных кредиторов общим понятием «кредиторы». Это разумно, учитывая, что субъекты гражданского права, включая публично-правовые образования, являются равными. Кроме того, используя отдельную формулировку для обозначения субъекта, защищающего права и законные интересы Российской Федерации, законодатель в некоторой степени обеспечил долговечность закона и отсутствие необходимости в постоянном внесении в него изменений, поскольку при изменении структуры и полномочий органов власти не потребуется изменение текста закона. В то же время, интерес представляет факт разделения «обычных» кредиторов, уполномоченного органа (ФНС России) и органа по контролю (надзору). Если контролирующий орган отличается кругом своих полномочий, а также своими функциями в процедуре банкротства и соответствующим образом воспринимается иными лицами, то уполномоченный орган может восприниматься как более квалифицированный, даже

привилегированный субъект, чья позиция является более предпочтительной для суда, а следовательно – наиболее тяжелой для оспаривания. Это объясняется как активностью Федеральной налоговой службы в деле о банкротстве, так и общим отношением некоторых субъектов гражданского права к государственным органам, выраженным в общем недоверии к органам власти и восприятием государства как единого субъекта, чьи органы солидарны друг с другом. Однако такая позиция является не вполне обоснованной, поскольку арбитражные суды никак не ограничены в рассмотрении позиций уполномоченного органа.

Говоря о кредиторах в качестве заявителей важно отметить, что фактически они выступают в защиту не только своих прав и законных интересов, но и в защиту прав иных кредиторов, должника, общества. Не касаясь вопроса о том, являются ли кредиторы потерпевшей стороной в рамках вопроса о субсидиарной ответственности, отметим, что по общему правилу правомерно и целесообразно привлечение к субсидиарной ответственности не в пользу конкретного лица, а в целом, без конкретизации потерпевшего как лица, в пользу которого взыскивается установленный размер компенсации. Это связано с рядом обстоятельств, в том числе с тем, что на момент привлечения к ответственности зачастую невозможно указать ни конкретный размер ответственности, ни конкретных лиц, претерпевших ущерб в связи с недобросовестными действиями правонарушителя. В связи с этим, в рамках рассмотрения упомянутого заявления важно установление самого факта правонарушения и лица-правонарушителя, а также иных сопутствующих обстоятельств, а размер ответственности подлежит рассмотрению впоследствии.

Отдельно Закон о банкротстве рассматривает возможность подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности представителем работников должника, а также самими работниками или бывшими работниками должника. Традиционно работники рассматриваются российским законодательством в качестве наименее защищенной стороны в отношениях с работодателем, поскольку данные лица хуже осведомлены о своих правах и зависимы от действий работодателя. В процедуре банкротства работники также

не являются полностью защищенной категорией субъектов, поскольку учет их требований непрозрачен и зависит от деятельности арбитражного управляющего. Хотя работники могут не иметь достаточной квалификации для понимания банкротного законодательства, сам факт наличия у них необходимых для защиты собственных интересов прав крайне важен, поскольку предоставляет гражданам дополнительный инструмент для последующего взыскания положенных денежных сумм. Кроме того, работники могут являться лицами, в существенной степени посвященными в недобросовестную деятельность контролирующих должника лиц в силу своей вовлеченности в протекающие в организации процессы, что также может повлечь большую эффективность проводимых процедур банкротства.

Закон о банкротстве подробно не рассматривает вопрос о сущности понятия «работник» в контексте проведения процедуры банкротства. Разумно исходить из соответствующих положений Трудового кодекса Российской Федерации, рассматривающего работника в качестве физического лица, вступившего в трудовые отношения с работодателем, что выражается в заключении трудового договора, получении заработной платы, выполнении трудовой функции в соответствии с установленным распорядком, а также в иных явлениях. Однако, учитывая специфику проведения процедур банкротства, возникает вопрос о необходимости наличия у работника дополнительных признаков, позволяющих ему предпринимать какие-либо активные действия в процедуре банкротства.

Одним из основных вопросов является необходимость наличия задолженности перед работниками. Так, представляется очевидным, что работники, чьи требования учтены в реестре требований, в соответствии с текущим законодательством вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности в целях обеспечения защиты своих прав и удовлетворения установленных требований. Однако обладают ли работники, требования которых не включены в реестр, аналогичным правом? Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 утверждает, что это

невозможно, поскольку требования работников – заявителей обязательно подлежат предварительному включению в реестр требований кредиторов должника. С точки зрения мотивов, приведенных выше, такая позиция кажется обоснованной. Действительно, такие работники должны обладать возможностью защищать свои интересы, а работники, в силу каких-либо причин не имеющие учтенных требований к должнику, никакие свои права в деле о банкротстве таким образом в сущности не отстаивают, для прочих случаев у таких лиц есть иные инструменты. Если же работник имеет требования, ранее не учтенные, он вправе претендовать на их рассмотрение, вследствие которого он приобретает все соответствующие права. В случае же недобросовестных действий, например, арбитражного управляющего, препятствующих реализации работниками, бывшими работниками должника своих прав, последние также обладают рядом инструментов для дальнейшего вступления в дело, в том числе подачу жалоб в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих, прокуратуру, Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии.

2.2. ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Глава III.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» содержит формально-закрытый перечень оснований привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, в который входят невозможность полного погашения требований кредиторов и несвоевременная подача заявления должника о признании его банкротом.

Привлечение контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в связи с несвоевременной подачей несостоятельным должником заявления о признании себя банкротом (в соответствии с текстом Закона о банкротстве такое заявление обозначено как «заявление должника») исходит из обязанности подачи соответствующего заявления. Такая обязанность может возникнуть в связи с рядом перечисленных в законе обстоятельств, в том

числе с установленной должником неплатежеспособностью, причем как уже возникшей, так и неизбежно возникающей в будущем.

Существенное значение имеет вопрос о моменте возникновения обязанности по подаче заявления должника и моменте, когда данная обязанность считается неисполненной. Действующая редакция закона требует от уполномоченных на то лиц подачи заявления в кратчайшие сроки, ограниченные тем не менее месячным сроком с момента возникновения обстоятельств, свидетельствующих о необходимости обращения в арбитражный суд. Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 дополняет положение закона, уточняя, что «кратчайший срок» необходимо исчислять с момента объективного определения добросовестным и разумным руководителем должника наличия хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в нормативном правовом акте.

Такой подход законодателя и Верховного Суда влечет за собой высокую вероятность волокиты при применении статьи 61.12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в силу некоторой размытости формулировок и необходимостью точного установления конкретных обстоятельств, имевших место в конкретный момент времени.

Так, для установления основания привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве подлежит установлению момент времени, в который руководителю должника стало известно о наличии указанных в статье 9 Закона о банкротстве обстоятельств. Поскольку руководитель должника считается лицом, ответственным за всю деятельность должника, он считается извещенным о наличии оснований для подачи заявления о банкротстве должника в арбитражный суд с момента фактического возникновения таких обстоятельств либо фиксации соответствующих обстоятельств в каком-либо документе. При этом необходимо учитывать, что в соответствии с положениями приведенного выше Постановления Пленума Верховного Суда подлежит применению презумпция наличия у руководителя должника необходимой для выявления признаков предстоящего или наступившего банкротства квалификации. Сочетание такой презумпции с прочими элементами статуса руководителя

организации позволяет говорить о формировании псевдо-презумпции знания лица о возникновении у него обязанности по подаче заявления о признании должника банкротом. Косвенно такая «презумпция» исходит и из формулировки упомянутого ранее акта Верховного Суда, указывающего на право руководителя должника доказать, что им были предприняты все необходимые меры для восстановления финансового состояния должника; отсутствовали основания для подачи заявления в арбитражный суд; предпринимались иные действия, свидетельствовавшие о добросовестности привлекаемого к ответственности лица.

В дополнение ко всему приведенные нами нормы тесно связаны с изложенной в пункте 2 статьи 61.12 Закона о банкротстве презумпцией наличия причинной связи между невозможностью удовлетворения требований кредиторов и нарушением обязанности по подаче заявления должника, что объясняется комплексным характером института субсидиарной ответственности в банкротстве.

Тем не менее необходимо отметить, что существующая правовая конструкция не является полноценной презумпцией, хотя и может повлечь за собой смещение баланса доказывания в сторону руководителя должника. Дело в том, что изложенная в законе норма все же предполагает необходимость доказывания со стороны заявителя как факта наличия обстоятельств, порождающих обязанность по подаче заявления должника, так и факта неисполнения такой обязанности, а также наличие иных обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестном (или недостаточно добросовестном) поведении привлекаемого к ответственности лица.

Также важен момент окончания срока на своевременную подачу заявления должника, поскольку именно по истечении указанного срока возможно привлечение к субсидиарной ответственности по рассматриваемому основанию. Статья 9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» оперирует двойным сроком: диспозитивным, сформулированным как «кратчайший срок», и императивным, сформулированным как «не позднее чем через месяц с даты возникновения

соответствующих обстоятельств». Такой подход фактически ограничивает кратчайший срок одним календарным месяцем, однако оставляет некоторую неоднозначность.

Так, исходя из буквального толкования «кратчайший срок» может рассматриваться как срок, заканчивающийся до истечения месяца с даты возникновения обстоятельств, обязывающих обратиться в суд с заявлением должника. В таком случае при привлечении лица к субсидиарной ответственности может быть указано, что заявление необходимо было направить в арбитражный суд до истечения императивного срока в связи с исключительными обстоятельствами, в том числе возможной утратой имущества, ухудшением имущественного состояния должника, сокрытием информации от добросовестных контрагентов должника и так далее.

Полагаем, что такое толкование является недопустимым и ведет к противоречию со смыслом нормы, изложенной в законе. Существующая формулировка предполагает констатацию необходимости оперативного исполнения уполномоченным на подачу заявления должника лицом своих обязанностей, устанавливая при этом срок, при несоблюдении которого у заинтересованных лиц появляется возможность подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. Такой подход является ярким примером попытки повышения оперативности осуществляемых субъектами права действий в рамках диспозитивной нормы, характерной для гражданского права, с внедрением императивного элемента, призванного не столько ограничить субъект в его правах, сколько обеспечить защиту прав участников правоотношений и не допустить недобросовестного поведения. Тем не менее, необходимо признать, что существующая двойственность сроков является скорее недостатком, нежели достоинством закона, поскольку гражданское право само по себе предполагает необходимость добросовестного поведения всех участников правоотношений, включающую в себя оперативность осуществляемых ими действий. Таким образом, полагаем возможным исключение из пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О несостоятельности

(банкротстве)» слов «в кратчайший срок» в целях обеспечения единообразия толкования положения закона.

Отдельным самостоятельным основанием привлечения к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве выступает невозможность полного погашения требований кредиторов, наступившая вследствие деятельности контролирующего должника лица. При этом необходимо наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) лица и наступившим банкротством, возникновением признаков банкротства. Важно, что действующая редакция закона не связывает возможность привлечения к ответственности только с недобросовестными и неправомерными действиями привлекаемого к ответственности лица, что позволяет говорить о наличии ответственности за правомерные, добросовестные действия, оказавшиеся неэффективными и недостаточными в условиях тяжелого финансового положения должника.

Закон оперирует презумпцией вины и наличия причинной связи между деятельностью контролирующего лица и возникшими неблагоприятными последствиями. При этом данная презумпция применима лишь в рамках, установленных пунктом 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, ограничивающих действие правовой конструкции причинением существенного вреда правам кредиторов, фактом утраты, искажения содержания документов, содержащих сведения о финансовом состоянии должника, наличием установленного судом уголовного, административного, налогового правонарушения, а также невнесением обязательных сведений в государственные реестры. Дополнительно закон предусматривает возможность привлечения к субсидиарной ответственности по рассматриваемому основанию даже в случае прекращения производства по делу о банкротстве, если дело прекращено в связи с отсутствием финансирования процедуры банкротства.

Полагаем, что формулировка «полное погашение требований кредиторов» подлежит более развёрнутому толкованию и рассмотрению. Так, разумно предположить, что полное погашение фактически подразумевает не только

удовлетворение требований каждого кредитора, включенного в реестр требований кредиторов, но и так называемых «зарегистрованных» кредиторов, то есть кредиторов, чьи требования были признаны арбитражным судом в деле о банкротстве обоснованными, но подлежащими удовлетворению после погашения требований, включенных в реестр. В противном случае возможна ситуация, при которой кредитор, не успевший подать заявление о включении требований в реестр требований кредиторов, в результате деятельности руководителя должника не получит надлежащего удовлетворения своих требований, что поставит его в существенно худшее положение по сравнению с иными кредиторами. Такой подход противоречил бы принципу равенства кредиторов в деле о банкротстве и, соответственно, неприемлем.

Интересен вопрос об использовании критерия «существенный вред» в вопросе о повлекших невозможность удовлетворения требований кредиторов сделках должника. Данный термин раскрывается в Постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, в соответствии с которым существенный вред причиняется сделками, значимыми для должника в соответствии с масштабами деятельности должника, являющимися при этом существенно убыточными. Существенная убыточность же определяется исходя из отличий условий сделки от рыночных условий либо из утраты источника доходов для должника. Представляется очевидным отсутствие твердых критериев для применения рассматриваемых норм, что обусловлено высокой степенью уникальности каждого дела о банкротстве и их существенным отличием друг от друга. Введение твердых или относительно твердых параметров, при соответствии которым сделка или совокупность сделок могут быть признаны причиняющими существенный вред, представляется невозможным и излишне формалистическим, поскольку именно широкие возможности адаптации и пересмотра установленных законодателем параметров позволяют обеспечить не только эффективность правоприменения, но и сохранить смысл рассматриваемой нормы права, заключающийся в погашении требований кредиторов и привлечении к ответственности лица за ухудшение положения

должника посредством заключения невыгодных сделок исходя не из цены сделки, а из её значимости для предприятия, о чем дополнительно говорит необходимость учета снижения доходности предприятия в результате совершения обозначенных действий.

Верховный Суд со ссылкой на статью 78 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и статью 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» привел в пример причиняющих существенный ущерб сделок крупные сделки, то есть сделки, выходящие за пределы обычной хозяйственной деятельности должника. В свою очередь, такая деятельность определяется исходя из деятельности аналогичных организаций. Применительно к банкротству и предбанкротным мероприятиям, осуществляемым должником, такой подход нуждается в некоторой корректировке. Банкротство – исключительная процедура, которая не должна быть стандартом для большинства субъектов, и правовой режим в банкротстве несколько отличается от стандартного правового режима, особенно в части добросовестности. Как следствие, невозможно оценивать действия должника, пытающегося избежать несостоятельности, исходя из аналогии с действиями иных субъектов в рамках их стандартной деятельности. В связи с этим, судам необходимо не просто оценивать ситуацию исходя из обычного правила, но и переосмыслить и адаптировать его к кризисной для должника ситуации.

Важно, что действующим законодательством установлена возможность снятия ответственности с контролирующего должника лица, если последнее докажет отсутствие вины в невозможности погашения требований кредиторов, а также докажет, что его деятельность в сложившихся кризисных условиях соответствует требованиям добросовестности и разумности либо были совершены для предотвращения еще большего ущерба правам кредиторов. И если возможность опровергнуть презумпцию через доказывание отсутствия вины является классическим инструментом защиты прав привлекаемого к ответственности лица, то вторая часть нормы отклоняется от стандартной схемы.

В частности, абзац 2 пункта 10 статьи 61.11 Закона о банкротстве сформулирован так, что значение для освобождения лица от ответственности имеет снижение ущерба не как результат действий лица, а как намерение, направление, в котором действовал субъект. Таким образом, законодатель допускает ситуацию, при которой руководитель должника, пытаясь улучшить финансовое состояние должника либо снизить размер причиняемого иным лицам ущерба предпринимает какие-либо действия, которые должны способствовать достижению заявленных целей, однако не достигают их и оказываются неэффективными.

В рамках рассматриваемой статьи также предусмотрено привлечение к субсидиарной ответственности в связи с существенным ухудшением финансового положения должника после возникновения признаков банкротства, не связанного с действиями контролирующего должника лица. Законодатель не рассматривает это в качестве отдельного основания для привлечения к субсидиарной ответственности, лишь как разновидность иного основания. От «основного» основания конструкция отличается моментом совершения неправомерных действий и смещением баланса в оценке этих действий. Момент совершения ухудшившего положение должника деяния – после возникновения признаков банкротства – также способствует расширению списка привлекаемых к ответственности лиц, поскольку при существующем подходе и лицо, действовавшее до возникновения признаков банкротства, и лицо, действовавшее впоследствии, могут быть привлечены к ответственности.

С точки зрения понимания исследуемой нормы важными являются разъяснения Верховного Суда, данные в пункте 17 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, предписывающие расценивать повлекшие ухудшение положения должника действия, совершенные после появления признаков банкротства, как действия, повлекшие окончательную утрату возможности проведения каких-либо реабилитационных мероприятий и погашения всех долговых обязательств. Таким образом, суд предполагает, а не достоверно и

точно устанавливает наличие неблагоприятных последствий для должника и кредиторов, исходя только из действий лица и части наступивших последствий.

Такой подход позволяет не только легче осуществлять привлечение к ответственности, но и косвенно дает дополнительную возможность для защиты привлекаемому к ответственности лицу. Так, если норма права в силу существующего толкования рассматривает в качестве необходимого негативного последствия утрату возможности проведения реабилитационных мероприятий, то же толкование позволяет ответчику сослаться на невозможность проведения таких мероприятий независимо от предпринятых им действий. Вкупе с прочими инструментами, в том числе доказыванием отсутствия вины, оценкой действий как направленных на снижение возможного ущерба и улучшение финансового состояния должника у ответчика может появиться эффективный способ защиты своих прав и законных интересов.

Интересно толкование Верховным Судом термина «ухудшение финансового положения должника», связывающая данное понятие с диспропорцией между стоимостью активов должника и имеющимися обязательствами. Судом вновь используются оценочные категории «значительное», «окончательная утрата возможности», что возвращает нас к высказанной ранее аналогичной проблеме отсутствия точных формулировок в рассматриваемых нормах права. Однако и в данном случае применение подобных категорий является необходимым, поскольку касается сложной и подлежащей осмыслению в каждом конкретном случае конструкции, не позволяющей использовать жесткие критерии. Также необходимо учитывать, что, хотя существующие разъяснения и дают некоторую привязку к стоимости активов должника, все же они не ограничивают арбитражные суды в использовании и иных критериев оценки деятельности должника и его руководителя, сохраняя самостоятельность судов в данной части, что все же не позволяет говорить о наличии какого-либо жесткого ориентира.

Говоря об основаниях привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, необходимо отметить, что, хотя закон и не

предусматривает большого их количества, качественно каждое является сложнейшей конструкцией, для которых характерно широкое применение судейского усмотрения и самостоятельности. И если вопросы, связанные с конкретными сроками и моментами, от которых зависит возможность привлечения к ответственности, требуют некоторой доработки, то во многих иных случаях именно возможность самостоятельной деятельности судов обеспечивает потенциальную эффективность и универсальность существующих норм.

2.3. УСЛОВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Ранее нами были рассмотрены общие условия привлечения к субсидиарной ответственности по смыслу ГК РФ, а также отмечено, что противоправность поведения, наличие вреда, причинной связи и вины относимо скорее к основному должнику, чем к должнику субсидиарному. Применительно к банкротству данные утверждения подлежат некоторой корректировке.

С точки зрения противоправности совершенного деяния оценка субсидиарной ответственности при банкротстве является неоднозначной. Так, действующая редакция ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» вкуче с Постановлением Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 предусматривают в первую очередь привлечение к ответственности контролирующего должника лица, совершившего противоправные действия, повлекшие неблагоприятные последствия для кредиторов, должника и общества. Таким образом, в классическом понимании юридической ответственности предполагается, что противоправное деяние совершено тем же лицом, которое в итоге привлекается к субсидиарной ответственности, что уже отличает субсидиарную ответственность в смысле ГК РФ от субсидиарной ответственности при банкротстве и приближает последнюю к традиционному пониманию ответственности. В то же время, допустимо привлечение лица к ответственности

в рамках Закона о банкротстве и в связи с его правомерными действиями, которые хотя и не нарушали положения действующего законодательства, тем не менее приводят к неблагоприятным последствиям в связи с неосмотрительностью.

Сложившийся подход можно понимать по-разному. При отсутствии противоправности в действиях руководителя должника несколько странно говорить о привлечении его к субсидиарной ответственности и наличии ответственности как таковой. Однако в действительности с данной точки зрения наблюдается сближение банкротной и классической субсидиарной ответственности, поскольку в обоих случаях прослеживается возложение ответственности на не допускавшее противоправное поведение лицо. Может показаться, что противоправность и вовсе отсутствует в формируемой конструкции, однако в действительности это не так, поскольку банкротство само по себе предполагает неисполнение должником своих обязательств и стойкую неспособность погасить образовавшиеся задолженности, что само по себе и является противоречащим правовым нормам деянием.

С другой стороны, все же нужно учитывать причины развития института субсидиарной ответственности при банкротстве: привлечение контролирующего должника лица к ответственности за противоправные действия в целях пополнения и формирования конкурсной массы с последующим удовлетворением требований кредиторов. С этой точки зрения наблюдается двойственность противоправности, складывающаяся из недобросовестной деятельности должника, неисполнении его обязательств и самостоятельных действий (бездействия) привлекаемого к ответственности лица. При этом в качестве основного правонарушения выступает деяние именно контролирующего должника лица, а не самого должника, поскольку именно противоправное поведение контролирующего должника лица влечет за собой применение института субсидиарной ответственности при банкротстве.

Интересно, что противоправность в банкротстве предполагается в любом случае, что изначально создает предпосылки для активного применения

института субсидиарной ответственности. Как уже было сказано, банкротство подразумевает наличие допущенного должником противоправного деяния, выраженного в неудовлетворении требований кредиторов и неисполнении обязательств. При этом играет существенную роль отсутствие твердого понимания природы юридического лица и комбинированный подход к его сущности, также обозначенный нами ранее, что выражается в рассмотрении должника – юридического лица не в качестве самостоятельного субъекта, а в качестве субъекта, всегда подчиненного конкретным лицам, обычно гражданам. Следовательно, вопрос о противоправности в силу данных обстоятельств можно считать скорее второстепенным, поскольку ранее он уже разрешался в иных судебных заседаниях, в том числе касающихся возбуждения процедуры банкротства, и был соответствующим образом установлен.

Вопрос о вреде куда сложнее для установления и варьируется в зависимости от выбранного основания для привлечения к ответственности. Говоря об ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов необходимо исходить из подхода, изложенного в пункте 11 статьи 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и определять размер причиненного контролирующим должника лицом (и подлежащего возмещению им же) вреда исходя из непогашенных по итогам проведения процедур банкротства требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, требований кредиторов, признанных обоснованными, но не включенных в реестр требований кредиторов (так называемых «зарегистрованных» кредиторов, чьи требования подлежат удовлетворению после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр), а также требований кредиторов по текущим платежам. Соответственно и размер возмещения равен размеру причиненного вреда. Однако, как указано в той же статье закона, указанный размер может быть уменьшен, если привлекаемым к ответственности лицом будет доказано, что размер вреда, причиненного им кредиторами, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет контролирующего должника лица. Другими словами, наличие объективных

обстоятельств, не вызванных виновными действиями руководителя должника, в результате которых размер задолженности банкрота существенно вырос, позволяет снизить размер ответственности на сумму долга, возникшую не по вине привлекаемого к ответственности лица.

Указанное правило уменьшения размера ответственности разумно и должно строго соблюдаться. Не представляется возможным возложение на лицо ответственности, не имеющей никакого прямого отношения к совершенному правонарушению. Иное противоречит как целям действующего законодательства, так и общим принципам права. В такой ситуации особенно важен вопрос о причинной связи, поскольку для установления размера вреда необходимо уяснение цепочки событий, указывающей на источник и причины возникновения задолженности.

Сложнее установить размер ответственности в случае ухудшения финансового положения должника после появления признаков неплатежеспособности. В такой ситуации необходимо установление не только момента возникновения признаков банкротства, но и точный размер задолженности перед всеми кредиторами должника, а также причины и размер изменения соотношения между благосостоянием должника и его обязательствами. Сложность заключается не столько в расчете соотношения между тем, какой размер обязательств должен был быть у должника и каким он является в действительности, сколько в инструментах ухудшения положения банкрота. Возможен не только рост задолженности, но и снижение стоимости активов должника в результате ухудшения состояния имущества, его вывода из эксплуатации и утраты, его переоценки и прочего. Также необходимо учитывать и возможность ухудшения положения должника в результате репутационных потерь и последующего уменьшения стоимости активов должника в результате снижения оборотоспособности организации, что редко оценивается правоприменителем в настоящее время. Каждая из подобных возможностей подлежит надлежащей оценке и установлению с последующим расчетом размера

ответственности, базирующимся на представлении о том, какой размер задолженности был бы у должника в случае нарушения права.

Изложенный в пункте 2 статьи 61.12 Закона о банкротстве подход к определению размера ответственности, базирующийся на размере обязательств, возникших после истечения срока на подачу заявления должника о признании его банкротом, надлежащим образом отражает объем причиненного таким нарушением вреда. В соответствии с действующим законодательством, в том числе статьей 63 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», вследствие введения процедуры банкротства рост обязательств должника вследствие начисления процентов, штрафов, пеней, неустоек и прочего прекращается; следовательно, задержка возбуждения производства по делу о банкротстве влечет за собой рост задолженности банкрота вследствие отсутствия обозначенного ограничения.

Существенное влияние имеет вопрос об установлении причинной связи между деятельностью контролирующих должника лиц и наступившими негативными последствиями. Она также несколько варьируется от применяемого основания для привлечения к субсидиарной ответственности. Так, в случае привлечения к ответственности в связи с неподачей заявления должника наличие причинно-следственной связи презюмируется и не подлежит доказыванию, однако контролирующее должника лицо вправе опровергнуть ее существование. Такое опровержение может базироваться на неизбежности роста задолженности или снижения стоимости активов должника, наличии обстоятельств непреодолимой силы и прочих подобных аргументах. Тем не менее, очевидно, что с точки зрения законодателя возникновение такой причинной связи практически неизбежно.

В случае же с привлечением к ответственности на основании невозможности полного погашения требований кредиторов суд вынужден проверять наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) контролирующего должника лица и возникшими признаками несостоятельности либо ухудшением финансового положения должника. В то же время, статья 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит ряд

презумпций, позволяющих исходить из наличия причинной связи. Хотя указанные презумпции и могут быть оспорены ответчиком, подход законодателя становится все более очевиден: руководитель должника является лицом, непосредственно ответственным за банкротство руководимой им организации. Данная тенденция, тем не менее, согласуется с принципом виновности, содержащимся в гражданском праве.

Вопросы определения вины также расходятся с общим подходом к субсидиарной ответственности. Так, предполагается наличие вины привлекаемого к ответственности лица в той или иной форме. Как следствие, Закон о банкротстве позволяет избежать ответственности в связи с отсутствием вины контролирующего должника лица, хотя и презюмирует наличие вины. Например, об отсутствии вины может говорить факт осуществления лицом действий в рамках обычного гражданского оборота, то есть исходя из общих категорий добросовестности и стремления снизить либо вовсе избежать негативных последствий не только должника, но и для кредиторов. Тем не менее, категории, применимые для общего правового режима в обычных условиях, подвергаются некоторому изменению в банкротстве в силу особого правового регулирования. Так, представляется очевидной необходимость учета критического финансового положения организации и, соответственно, применения особых мер по его улучшению, в том числе путем совершения сделок на условиях, несколько отличающихся от общих рыночных условий, или реструктуризации деятельности должника.

Дополнительно необходимо отметить, что дополнительным необходимым условием привлечения к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве выступает наличие возбужденного дела о банкротстве и введенной процедуры банкротства. Вне рамок процедуры банкротства подача соответствующего заявления невозможна, что произрастает из самого понятия «субсидиарная ответственность при банкротстве».

2.4. ПОРЯДОК ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

В рамках действующего законодательства общий порядок привлечения к субсидиарной ответственности может показаться полностью неприменимым, однако это не совсем так.

Как уже было сказано ранее, в рамках банкротства неисполнение должником требований кредиторов подразумевается изначально. Это позволяет говорить о том, что первый этап привлечения к ответственности не входит в исследуемый порядок, поскольку он уже пройден на момент инициации проведения процедуры привлечения к ответственности. То же касается и направления требования о погашении задолженности, и отказа основного должника от исполнения обязательства. С другой стороны, можно рассматривать возбуждение процедуры банкротства как начальный этап процедуры привлечения к субсидиарной ответственности, поглощающей первые этапы порядка привлечения к ответственности, поскольку именно в рамках возбуждения процедуры банкротства и введения необходимой процедуры устанавливаются факты неисполнения обязательств, неудовлетворения требований кредиторов, а также предъявления требований к должнику. Однако, поскольку не всегда возбуждение дела о банкротстве и введение процедуры банкротства влекут за собой вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и не выступает в качестве основополагающей причины инициирования привлечения к ответственности, справедливо исходить из первого подхода к пониманию порядка привлечения к ответственности.

Можно утверждать, что предусмотренный ГК РФ внепроцессуальный порядок привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве отсутствует, поскольку он совпадает с процессуальным порядком привлечения к ответственности, предусмотренным Законом о банкротстве и Арбитражным процессуальным кодексом Российской

Федерации. Так, инициирование процедуры заключается в подаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности лицом, обладающим соответствующим правом, в арбитражный суд. Впоследствии в рамках судебного заседания устанавливается совокупность фактов, необходимых для привлечения лица к субсидиарной ответственности. После вступления судебного акта в законную силу лицо может быть признано привлеченным к ответственности, однако исполнение судебного акта может быть затянуто, поскольку судом может быть принято окончательное решение о привлечении к субсидиарной ответственности после завершения процедуры банкротства и установления объема неудовлетворенных требований кредиторов, что связано с невозможностью установить размер ответственности ранее. В момент окончательного расчета привлеченного к ответственности лица с кредиторами, то есть в момент окончания исполнительного производства, процедуру можно считать завершенной. Таким образом, можно предположить совпадение гражданско-правового порядка с процессуальным.

Приведенные позиции представляются верными лишь отчасти. Так, действительно, в рамках дела о банкротстве невозможно формальное привлечение лица к субсидиарной ответственности без соблюдения процессуального порядка, заключающегося в подаче соответствующего заявления в арбитражный суд, последующем судебном разбирательстве и исполнении судебного акта. Однако необходимо признать, что в действительности процедуре банкротства предшествует широкий слой предварительных мероприятий, включающих в себя в том числе направление претензий, получение отказа от исполнения обязательства и его фактическое неисполнение должником, и лишь впоследствии – выступление с инициативой о введении процедуры банкротства, в рамках которой и будет подано необходимое заявление.

Тем не менее, необходимо признать, что адаптация общего, внепроцессуального порядка, предусмотренного ГК РФ, все же недопустима, поскольку изначально банкротство не предполагает обязательного применения

субсидиарной ответственности. Субсидиарная ответственность является лишь крайней мерой, применяемой для удовлетворения требований кредиторов в исключительных случаях [3.8]. Также законодательство о банкротстве и вовсе не предполагает конкретного порядка, отделенного от процессуальных норм, что объясняется рядом причин.

Так, нужно учитывать специфику законодательства о банкротстве, являющегося слиянием императивных и диспозитивных, материальных и процессуальных норм, создающих особый правовой режим для специфических, исключительных ситуаций, к которым неприменимы общие правила материального права. В связи с этим предполагается осуществление множества действий, в осуществлении которых по общему правилу субъекты самостоятельны, только в рамках предварительного процессуального согласования либо и вовсе посредством рассмотрения в арбитражном суде.

То же касается и субсидиарной ответственности при банкротстве. Лицо, полагающее необходимым и возможным привлечение контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, направляет соответствующее заявление в процессуальном порядке в арбитражный суд, без направления предварительных претензий или иных аналогичных требований. Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения материального права закон не предусматривает соблюдения какого-либо отдельного порядка привлечения к ответственности, подразумевая, что ряд существенных обстоятельств является уже установленным в рамках введения процедуры банкротства, а оставшиеся, в том числе наличие оснований и условий привлечения к ответственности, будут установлены в судебном порядке. В сущности, субсидиарная ответственность в понимании Гражданского кодекса и в понимании Закона о банкротстве являются принципиально разными видами ответственности, хотя и преследующими одни и те же цели, но обладающие совершенно разными чертами и порядком реализации, в связи с чем и можно утверждать, что общий порядок поглощен предшествовавшими процедуре банкротства основаниями, а прочие вопросы переходят в раздел

процессуального права. Тем не менее, можно выделить следующий порядок привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве:

1. Введение процедуры банкротства в отношении должника.
2. Включение требований кредиторов в реестр требований кредиторов.
3. Составление и подача заявления о привлечении к субсидиарной ответственности самостоятельно, через собрание кредиторов или через арбитражного управляющего.
4. Исполнение судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности.

ГЛАВА 3. СМЕЖНЫЕ ВИДЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

3.1. ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ

ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предполагает наличие не только субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, но и взыскания убытков с лиц, определяющих деятельность должника. Однако разница между этими разновидностями не раскрывается.

Как и в случае с субсидиарной ответственностью, статья 61.20 Закона о банкротстве предполагает возможность привлечения к ответственности контролирующего должника лица в связи с совершенным им правонарушением. Соответствует и цель существования данного инструмента: удовлетворение требований кредиторов, восстановление нормального правопорядка и привлечение к ответственности лица, вследствие деятельности которого наступили негативные последствия в виде нарушения прав и законных интересов кредиторов и должника.

С точки зрения субъектного состава лица, обладающие правом на подачу заявления о взыскании убытков в деле о банкротстве, в соответствии со статьей 61.20 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» включают в себя должника (в лице руководителя должника, его участника, арбитражного управляющего), конкурсного кредитора, представителя работников или работника (бывшего работника) должника, а также уполномоченный орган. Любопытно, что этот список включает в себя руководителя должника, однако это вполне разумно и объяснимо: новый руководитель должника в целях отстаивания интересов вверенной ему организации должен обладать возможностью требовать восстановления финансового положения должника посредством возмещения убытков. Таким образом, в данной части субъектный состав не отличается в существенной мере от аналогичного применительно к субсидиарной ответственности.

С точки зрения оснований привлечения к ответственности взыскание убытков может считаться существенно отличным от субсидиарной ответственности. Так, единственным основанием для требования возмещения убытков может считаться причинение убытков правонарушителем. С точки зрения статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации убытки складываются из суммы реального ущерба и упущенной выгоды, включая в себя расходы, которые несет лицо для восстановления своего права либо в результате правонарушения. Таким образом, возмещение убытков непосредственно связано с рассмотренной нами ранее категорией вреда и предполагает его непосредственное нанесение потерпевшей стороне.

Как и в случае с субсидиарной ответственностью, применительно к убыткам наблюдается сложность определения состава потерпевшей стороны. К ней относятся кредиторы должника, поскольку в результате возникновения убытков у должника соответствующим образом уменьшается конкурсная масса, за счет которой впоследствии и происходит погашение всех существующих задолженностей. В то же время, потерпевшей стороной является и сам должник, как субъект, претерпевший имущественные потери; с этой точки зрения ущерб кредиторам причиняется опосредованно, через уменьшение конкурсной массы.

Может показаться, что вышесказанное отчасти вступает в противоречие с существующим подходом к распределению суммы погашения причиненных убытков. Так, в настоящее время сумма убытков взыскивается именно в пользу должника, а не кредиторов, что отражается в судебных актах, например, в Определении Арбитражного суда Омской области от 11.12.2019 по делу № А46-18140/2018. Следовательно, потерпевшей стороной все же выступает именно должник, кредиторы же второстепенны. Однако в действительности структура действующих лиц все же аналогична рассмотренным правилам о субсидиарной ответственности, поскольку конечным выгодоприобретателем в части взыскания убытков выступают кредиторы, в пользу которых и будет перераспределяться конкурсная масса. Это обусловлено спецификой проведения процедуры банкротства и распределения конкурсной массы. Так, погашение требований

кредиторов осуществляется в установленном законом порядке, в размере, соответствующем долям требований конкретных кредиторов в реестре требований кредиторов. В противном случае высока вероятность не соответствующего требованиям законодательства распределения конкурсной массы, поскольку в момент вынесения решения о возмещении убытков может не быть достоверно известна сумма причитающейся выплаты по каждому существующему основанию, в том числе по текущим платежам. Подобный же подход применяется и в субсидиарной ответственности. Таким образом, с точки зрения определения потерпевшей стороны и выбора лица, в пользу которого подлежит взысканию сумма убытков, фактически рассматриваемые конструкции аналогичны и не имеют существенного отличия.

С точки зрения исследования необходимых условий для применения ответственности в виде возмещения убытков необходимо в первую очередь отметить наличие противоправности, выраженной в нанесении ущерба правам и охраняемым законом интересам кредиторов, должника и общества. Поскольку процедура банкротства предполагает наличие неисполненных обязательств, факт противоправности поведения должника в прошлом можно считать уже установленным. Что касается же поведения контролирующего должника лица – возмещение убытков предполагает необходимость деятельности именно привлекаемого к ответственности лица, что отличает возмещение убытков от субсидиарной ответственности, однако вызывает аналогию с субсидиарной ответственностью при банкротстве.

Причинная связь между совершенным действием (бездействием) и наступившими негативными последствиями также аналогична субсидиарной ответственности. В обоих случаях предполагается, что действия ответчика привели к возникновению последствий при наличии прямой причинной связи, а также не допускается применение косвенной причинной связи.

Вопрос определения размера причиненного вреда является уже менее однозначным. Очевидно, что обе правовых конструкции подразумевают его наличие, однако оценивается он по-разному. Говоря о субсидиарной

ответственности, мы указывали на оперирование оценочными категориями, так или иначе указывающими на существенный размер нанесенного ущерба, выраженный тем или иным образом, в том числе через оценку разницы между изменением стоимости активов должника и ростом его обязательств. В случае же с возмещением убытков Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 предусматривает, что в случае, если в результате деятельности контролирующего должника лица, осуществленной после появления признаков банкротства, ухудшение финансового положения должника не носит характер существенного объема и не влияет существенным образом на финансовое положение должника, такое контролирующее должника лицо привлекается к ответственности в виде возмещения убытков по основаниям, не связанным с субсидиарной ответственностью. Однако при этом суд не ссылается напрямую на положения статьи 61.20 Закона о банкротстве, что может вызвать двойственность в понимании данного Верховным Судом разъяснения.

Несколько большую ясность вносит пункт 20 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53, связывающий законодательство о банкротстве с общими положениями о возмещении убытков, а также разграничивает случаи применения общих положений о возмещении убытков и специальных правил о субсидиарной ответственности. Разграничение вновь зависит от объема негативного воздействия привлекаемого к ответственности лица на деятельность должника, причем в случае существенности такого влияния предпочтение отдается субсидиарной ответственности при банкротстве.

Вышесказанное позволяет говорить о том, что изложенная в статье 61.20 Закона о банкротстве норма связывает общие положения о возмещении убытков с процедурой банкротства, не привнося при этом каких-либо новых оснований для привлечения к ответственности. При этом разъяснения Верховного Суда расширяют существующую норму, проводя указанное ранее разграничение, создающее градацию в применении конкретных правовых инструментов на основании размера причиненного вреда.

В сложившихся обстоятельствах возникает вопрос о необходимости существования рассматриваемой статьи. Так, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» предполагает, что содержащиеся в нем нормы являются специальными по отношению к нормам, изложенным в прочих нормативных правовых актах. Таким образом, разумно предположить, что Закон о банкротстве не препятствует применению общих положений гражданского права, в том числе касающихся и возмещения убытков, и гражданско-правовой ответственности в целом. В связи с вышесказанным, а также поскольку текст статьи 61.20 Закона о банкротстве не вносит существенной ясности в процедуру привлечения контролирующего должника лица к ответственности в рамках процедуры банкротства, может показаться разумным исключение создающей неясность статьи закона в целях снижения его объема и упрощения его восприятия. Однако такая позиция не представляется достаточно обоснованной, поскольку рассматриваемая норма все же служит расширением возможностей по привлечению контролирующих должника лиц к ответственности, хотя и нуждается в доработке, заключающейся в переносе позиции Верховного Суда касательно разграничения возмещения убытков и субсидиарной ответственности при банкротстве в текст закона.

Также важно, что указанная статья дополнительно свидетельствует о наличии прямой взаимосвязи между текстом Закона о банкротстве и Гражданского кодекса, закрепляя их как единую систему связанных правовых норм, регулирующих одну группу правоотношений, хотя и со своей спецификой. Кроме того, хотя взыскание убытков и кажется схожим до степени смешения с субсидиарной ответственностью, необходимо отметить, что взыскание убытков все же представляется способом более скорого привлечения к ответственности и взыскания денежных средств, распределяемым впоследствии в рамках банкротства.

3.2. ПРЕДНАМЕРЕННОЕ И ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО

В число обязанностей арбитражного управляющего в деле о банкротстве входит выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства и сообщение о них участвующим в деле о банкротстве лицам, в саморегулируемую организацию арбитражных управляющих, собранию кредиторов, а также в органы, к компетенции которых относятся возбуждение дел об административных правонарушениях и рассмотрение сообщений о преступлениях. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не дает исчерпывающего определения понятием «фиктивное банкротство» и «преднамеренное банкротство», однако они содержатся в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Под фиктивным банкротством понимается заведомо ложное публичное объявление руководителем или участником юридического лица о несостоятельности данного юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином о своей несостоятельности, а под преднамеренным банкротством – совершенное руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Одним из способов совершения указанных правонарушений может являться прямой или косвенный вывод денежных средств или иного имущества должника с целью сокрытия действительного финансового положения должника, в том числе путем совершения сделок в отношении третьих лиц или совершения иных недобросовестных действий.

Наблюдается определенная внешняя схожесть совершения деяний, связанных с преднамеренным и фиктивным банкротством, и действий, рассматриваемых при применении субсидиарной ответственности либо ответственности в виде возмещения убытков в банкротстве. В действительности они и не исключают друг друга, предусматривая возможность привлечения как

к гражданско-правовой, так и к уголовной либо административной ответственности. Так, например, Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.12.2019 по делу № А45-17995/2016 установлено, что в отношении контролирующего должника лица (бывшего директора должника) подано заявление о взыскании убытков в конкурсную массу должника. Также в отношении контролирующего должника лица возбуждено уголовное дело, в рамках которого также рассматривался вопрос о наличии в действиях привлекаемого к ответственности лица состава преступления, заключающегося в совершении действий по обеспечению преднамеренного банкротства. Материалы уголовного дела также повлияли и на рассмотрение вопроса о привлечении к ответственности в виде возмещения убытков, органично дополняя его.

Разумно предположить, что преднамеренное банкротство в большинстве случаев предполагает наличие оснований для привлечения лица к субсидиарной ответственности либо ответственности в виде возмещения убытков, так как предполагает наличие причиняемого лицом ущерба и совершение неправомерных, недобросовестных действий, направленных на причинение такого ущерба. Однако нужно понимать, что рассматриваемые категории, хотя и являются смежными, не совпадают друг с другом, имеют разную роль, цели, задачи и области применения. Так, преднамеренное и фиктивное банкротство как категории административного и уголовного права воспринимаются как более карательные инструменты, не всегда ставящие основной целью восстановление нормального положения дел, отдавая предпочтение функции наказания, что объясняется спецификой соответствующих отраслей права. Субсидиарная ответственность же наряду со взысканием убытков расставляет иные приоритеты, основываясь на восстановлении нормального гражданского оборота и восстановлении нарушенных прав субъектов гражданского права.

Также важно понимать, что фиктивное и преднамеренное банкротство, в отличие от субсидиарной ответственности, предполагают наличие вины, умысла в деятельности привлекаемого к ответственности лица, заключенной в

используемого в соответствующих составах правонарушений понятия «заведомо». Субсидиарная же ответственность в этом плане шире, поскольку исходит из необходимости учета критерия добросовестности и рассмотрения гипотетических ситуаций и действий «обычного» участника правоотношений в аналогичных обстоятельствах. Кроме того, гражданско-правовая ответственность более широко подходит и к пониманию существенности причиненного ущерба, рассматривая его в соотношении с благосостоянием и обычной деловой активностью должника, а также исходя из иных факторов. Составы же преступления и административного правонарушения привязаны к конкретному пониманию крупного ущерба, составляющего в соответствии со статьей 170.2 Уголовного кодекса свыше двух миллионов двухсот пятидесяти тысяч рублей.

Кроме того, отличается и понимание субъектного состава. Так, и Уголовный кодекс, и Кодекс об административных правонарушениях предполагают привлечение к ответственности исключительно физического лица, исключая возможность выступления юридического лица в качестве правонарушителя. Необходимо отметить, что такой подход дополнительно подтверждает высказанную ранее позицию о том, что законодатель изначально предполагает привлечение к ответственности именно физического лица, а не юридического, не следуя пониманию юридического лица как полностью самостоятельного субъекта. Гражданско-правовая ответственность же подразумевает возможность привлечения к ответственности более широкого круга субъектов, в том числе публично-правовых образований в лице соответствующих органов.

Необходимо дополнительно отметить общий подход законодателя к такому субъекту, как руководитель должника (либо контролирующее должника лицо). Нами уже высказывалась позиция, в соответствии с которой законодатель рассматривает в качестве основного правонарушителя физическое лицо, однако существует и иная прослеживаемая концепция построения законодательства в части ответственности контролирующего должника лица в банкротстве. Так,

законодатель относит причинение ущерба в рамках гражданского оборота к сфере административного и уголовного права, предусматривая в последнем возможность привлечения лица к ответственности вплоть до лишения свободы на срок до шести лет. Любопытно, что аналогичное максимальное наказание предусмотрено в том числе за такие преступления, как нападение на лиц или учреждения, пользующихся международной защитой, доведение до самоубийства, торговля людьми, изнасилование, а также ряд иных преступлений. Безусловно, невозможно судить о суровости и справедливости наказания исключительно по максимально возможной санкции, однако возможность приравнивания причинения кредиторам ущерба в размере более двух с половиной миллионов рублей к подобным преступлениям наводит на мысль о превентивном характере сформулированной в Уголовном кодексе нормы. Не касаясь статистики по возбужденным уголовным делам, исходя из комплексного понимания рассмотренных категорий как направленных на недопущение недобросовестного и противоправного поведения контролирующих должника лиц, предположим, что в совокупности рассматриваемые положения законодательства создают впечатление необходимости предотвращения правонарушений путем установления существенных наказаний, а следовательно – общего восприятия законодателем контролирующего должника лица как гражданина, заведомо недобросовестного подходящего к своим обязанностям как руководителя организации.

Таким образом, уголовная и административная ответственность хотя и соприкасаются с гражданско-правовой ответственностью, все же являются отдельными видами ответственности, преследующими различные цели, однако способными оказать существенное влияние на субсидиарную ответственность при банкротстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данной работы нами было дано понятие субсидиарной ответственности как разновидности дополнительной гражданско-правовой ответственности, заключающейся в привлечении к ответственности (посредством предъявления требования) третьего лица (субсидиарного должника) в случае неисполнения обязанностей основным должником в пользу кредитора. Установлено, что субсидиарная ответственность в общем понимании отличается рядом признаков, в том числе:

- особым субъектным составом, включающим в себя трех основных субъектов: кредитора, основного должника и субсидиарного должника (привлекаемого к ответственности лица);

- особую связь между правонарушением и наступающей ответственностью, что отражается в привлечении к ответственности не лица, совершившего правонарушение, а третьего лица, не допускаящего недобросовестного поведения, иными словами – в отсутствии правонарушения со стороны привлекаемого к ответственности лица;

- второстепенности субсидиарной ответственности по отношению к иным видам гражданско-правовой ответственности, что выражается в фактическом переходе ответственности к третьему лицу, основанном на неисполнении обязательства основным должником.

В рамках исследования подтверждается соответствие субсидиарной ответственности общим признакам гражданско-правовой ответственности, в том числе приверженность общим условиям наступления ответственности, таким как противоправность совершенного деяния, причинение вреда потерпевшему, наличие причинной связи между правонарушением и наступившими неблагоприятными последствиями, а также рассмотрение вопроса о наличии вины.

Вследствие вышесказанного полагаем справедливым вывод о том, что, несмотря на всю свою специфику, субсидиарная ответственность является видом

гражданско-правовой ответственности и не может рассматриваться в отрыве от нее. Хотя субсидиарный должник и привлекается к ответственности за правонарушение, совершенное иным самостоятельным субъектом гражданского права, что позволяет усомниться в сущности рассматриваемого явления как ответственности и создает аналогию с переходом обязательства, в действительности все же необходимо говорить именно об ответственности, а не самостоятельном обязательстве.

Также исследован вопрос об отличии субсидиарной ответственности при банкротстве от субсидиарной ответственности в понимании ГК РФ. Так, по смыслу законодательства о банкротстве существенно конкретизируется субъектный состав, включая лицо, привлекаемое к ответственности, и лицо, выступающее с соответствующей инициативой, а также основного должника, являющегося должником в деле о банкротстве. Отмечено, что субсидиарная ответственность при банкротстве характеризуется привлечением к ответственности самого правонарушителя, что также не характерно для субсидиарной ответственности по смыслу статьи 399 ГК РФ.

Сделан вывод о необходимости применения субсидиарной ответственности в деле о банкротстве гражданина, а также о возможности применения действующих положений законодательства о банкротстве в части субсидиарной ответственности в указанной категории дел.

Проанализированы причины применения субсидиарной ответственности в деле о банкротстве юридического лица к физическому лицу, рассматриваемому в качестве контролирующего должника лица, а также отмечены проблемы определения лица в качестве контролирующего должника. Одной из проблем в данной области является отсутствие твердых критериев и общая оценочность данной категории. Сделан вывод о необходимости сохранения оценочного характера понятия «контролирующее должника лицо» и присущих ему признаков, поскольку именно такой подход позволяет более объективно оценивать деятельность субъектов гражданского права, а также быстро адаптироваться под возможные изменения в гражданском обороте.

Анализируя основания привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве важно отметить, что, хотя действующее законодательство не предусматривает широкого спектра соответствующих оснований, они также связаны с рядом оценочных категорий и допускают определенную широту толкования. Такой подход имеет свои преимущества, однако представляется необходимым уточнение понимания оснований привлечения к ответственности. Соответствующие разъяснения содержатся в позиции Верховного Суда Российской Федерации, но они не являются полными. Полагаем целесообразным осуществление частичного переноса позиции Верховного Суда касательно установления применяемых оценочных критериев в текст Федерального закона в целях совершенствования законодательства и практики его применения.

Важно отметить прослеживаемый в тексте законодательства и упомянутой позиции Верховного Суда общий подход к контролирующему должника лицу как к недобросовестному субъекту гражданского права, что выражается в существовании презумпции вины контролирующего должника лица и наличии возможностей привлечения его к различным видам ответственности, в том числе уголовной и административной. При этом право привлекаемого к ответственности лица настаивать на непривлечении к ответственности в некоторой степени ограничено возможностью применения ответственности даже в случае признания действий лица добросовестными и соответствующими общим требованиям законодательства.

Также в рамках данной работы исследовались условия и порядок привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве. И если можно утверждать, что условия привлечения к ответственности имеют не столь ярко выраженную специфику, то порядок привлечения к ответственности является более специфичным. Для общего правила применения субсидиарной ответственности характерна сложная система взаимодействия между различными субъектами, однако в деле о банкротстве предполагается процессуальный порядок совершения большинства действий, не согласующийся с положениями ГК РФ. Это объясняется спецификой процедуры банкротства,

целей ее проведения, а также событиями, произошедшими до и во время возбуждения дела о банкротстве, предполагающими, что некоторые мероприятия, предусмотренные общими правилами о субсидиарной ответственности, уже были проведены.

Важно провести разграничение между субсидиарной ответственностью при банкротстве и иными смежными видами ответственности, в том числе с санкцией за преднамеренное и фиктивное банкротство, а также с взысканием убытков. Анализируя взыскание убытков, рассматриваемое законодательством в качестве отдельной разновидности ответственности, был сделан вывод о том, что существенные отличия взыскания убытков от субсидиарной ответственности отсутствуют, они преследуют одинаковую цель и обладают характерными схожими признаками. В то же время, взыскание убытков ориентировано в первую очередь на установление связи специального законодательства с общими положениями гражданского права, на расширение возможности привлечения к ответственности и оперативности достижения целей банкротства, а также подразумевает иной размер ответственности.

Ответственность за фиктивное и преднамеренное банкротство относится к сфере уголовного и административного права, однако существенно влияет и на гражданско-правовую ответственность, поскольку предполагает наличие имущественного ущерба. Кроме того, фиктивное и преднамеренное банкротство предполагают совершение либо не совершение некоторых действий, влияющих на сложившийся гражданский оборот, что является также предметом рассмотрения с точки зрения привлечения лица к субсидиарной ответственности при банкротстве. Также необходимо учитывать следующее за множественностью вариантов ответственности увеличение общего груза ответственности и давления на контролирующее должника лицо.

В заключение необходимо отметить, что, хотя выявленные нами проблемы и являются значимыми для рассматриваемой области права и подлежат решению, комплексное исследование, толкование и уяснение смысла действующего законодательства не только в гражданско-правовой, но и в иных

сферах позволяют сделать вывод о наличии существенного давления на лицо, контролирующее деятельность юридического лица.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативные правовые акты:

1.1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.12.2019).

1.2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: по сост. на 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020 [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.06.2020).

1.3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: по сост. на 24.04.2020 [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.05.2020).

1.4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ: по сост. на 08.06.2020 [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.05.2020).

1.5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: по сост. на 08.06.2020 [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.06.2020).

1.6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: по сост. на 08.06.2020 [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.06.2020).

1.7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: по сост. на 08.06.2020, с изм. и доп., вступающими в силу с 19.06.2020 [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 19.06.2020).

1.8. Федеральный закон от 25.01.2002 № 8-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»: по сост. на 04.11.2019, с изм. от 07.04.2020

[Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 19.06.2020).

1.9. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»: по сост. на 04.11.2019, с изм. от 07.04.2020 [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.05.2020).

1.10. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.05.2020).

1.11. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.05.2020).

2. Научная литература:

2.1. Абуталипова Р.М. Гражданско-правовая ответственность государства в процедурах банкротства. // Вестник Саратовского государственной юридической академии. 2019. № 2. С. 178.183.

2.2. Агашева И.П., Бекирова Э.П. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: сущность и практическое применение в условиях экономической и правовой систем в Российской Федерации. // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 2. С. 3-7.

2.3. Алферов В.Н., Коригова М.М. Развитие концепции субсидиарной ответственности как инструмента повышения эффективности института банкротства и обеспечения экономической безопасности страны. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 460-474.

2.4. Анциферова Е.О. Субсидиарная ответственность в процедуре банкротства. Основания привлечения к субсидиарной ответственности в процедуре банкротства. // Отечественная юриспруденция. 2019. № 02 (34). С. 22-24.

2.5. Борисова А.В. Привлечение контролирующих должника лиц к ответственности как мера защиты добросовестных кредиторов. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 12. С. 250-253.

2.6. Варфоломеев Б.В., Камышанский В.П. Особенности субсидиарной ответственности руководителей муниципальных унитарных предприятий за неподачу заявления должника в суд. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 12. С. 477-248.

2.7. Горелая Н.В. Оценка влияния факторов на формирование цены кредита. // Корпоративные финансы. 2016. №1. С. 59-76.

2.8. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. – М.: Статут, 2017. – 511 с.

2.9. Гурулева Э.А., Иванова Н.А. Понятие «вина» как условие гражданско-правовой ответственности. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 170-172.

2.10. Ермилов В.Б. Гражданско-правовая ответственность «бенефициара» в деле о банкротстве организации. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 66-68.

2.11. Кабанова И.Е. Привлечение муниципальных образований и государства к субсидиарной ответственности при банкротстве унитарных предприятий. // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 10 (205). С. 66-72.

2.12. Казакова Е.Б., Потолокова О.О. Гражданско-правовая ответственность. [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 2 (22). Режим доступа: <https://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 10.03.2020).

2.13. Лахтин А.Л. Основания привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве. // Символ науки. 2020. № 1-2. С. 59-63.

2.14. Локтева А.С. Ответственность за преднамеренное банкротство юридических лиц в российском законодательстве. // Развитие территорий. 2019. № 4. С. 31-33.

2.15. Марапулец А.А. Уголовная ответственность за преднамеренное банкротство. // Отечественная юриспруденция. 2018. № 29. С. 31-32.

2.16. Махиборода М.Н. К вопросу о функциях гражданско-правовой ответственности. // Закон и право. 2019. № 5. С. 74-76.

2.17. Мингазова А.М. Субсидиарная ответственность при банкротстве организации: кто теперь будет отвечать за банкротство должника? // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 100-103.

2.18. Мкртчян Г.М. Ответственность номинальных руководителей за долги юридического лица. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 94-100.

2.19. Мкртчян Г.М. Привлечение бенефициаров бизнеса к субсидиарной ответственности. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 122-129.

2.20. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. С.А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019.

2.21. Перфилов А.В. Представитель работников должника в процессе несостоятельности (банкротства). // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 1 (7). С. 149 – 154.

2.22. Плотников А.Н. Уполномоченный орган как кредитор в делах о банкротстве. // Отечественная юриспруденция. 2018. № 06 (31). С. 17-20.

2.23. Поздеева Е.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц. // Вопросы студенческой науки. 2019. № 12 (40). С. 404-408.

2.24. Покида А.Н. Соцопрос РАНХиГС: все больше россиян стремятся «в тень». [Электронный ресурс]. – URL: <https://social.ranepa.ru> (дата обращения: 15.03.2020).

2.25. Ритер А.Ю., Шумкин Е.С. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц. // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-1. С. 167-171.

2.26. Российское гражданское право: Учебник: В 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. / Отв. Ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 958 с.

2.27. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника. // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 12 (145). С. 18-24.

2.28. Столярова О.О. Понятие гражданско-правовой ответственности. // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 24-2. С. 165-169.

2.29. Танимов О.В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 4-18.

2.30. Теория государства и права: Учебник. / Л.А. Морозова. – Москва.: Норма, 2017. – 464 с.

2.31. Царёв А.В., Крупенков В.В., Миненко Т.К. Проблема доверия к власти в России. // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 4. С. 118-121.

3. Материалы практики:

3.1. Определение Арбитражного суда Волгоградской области от 14.02.2019 по делу № А12-24041/2017[Электронный ресурс]. – Система «Картотека арбитражных дел». – URL: <https://kad.arbitr.ru>.

3.2. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 17.06.2019 по делу № А45-17474/2016[Электронный ресурс]. – Система

«Картотека арбитражных дел». – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 19.10.2019).

3.3. Определение Арбитражного суда Омской области от 11.12.2019 по делу № А46-18140/2018 – Система «Картотека арбитражных дел». – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 03.03.2020).

3.4. Определение Арбитражного суда Тюменской области от 11.07.2019 по делу № А70-8721/2017 – Система «Картотека арбитражных дел». – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 19.10.2019).

3.5. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве [Электронный ресурс] // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации – URL: <http://www.cder.ru/index.php?id=79&item=4890> (дата обращения 01.05.2020).

3.6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.12.2019 по делу № А45-17995/2016 – Система «Картотека арбитражных дел». – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 03.03.2020).

3.7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.12.2019 по делу № А45-17474/2016 [Электронный ресурс]. – Система «Картотека арбитражных дел». – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 02.02.2020).

3.8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [Электронный ресурс]. // СПС Консультант Плюс. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.09.2019).

3.9. Статистический бюллетень ЕФРСБ на 30 июня 2019 года [Электронный ресурс]. // Сайт Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. – URL: [https:// fedresurs.ru/news/3d5c99f9-005b-4026-8a21-f4b9ac8d7891](https://fedresurs.ru/news/3d5c99f9-005b-4026-8a21-f4b9ac8d7891).